

ВЫСОТА ДОВЕРИЯ

ЖОРА ХАРАКС

ЖОРА ХАРАКС

Высота доверия

<https://litres.ru/74651149>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она мечтала победить. Но однажды ей пришлось выбирать между победой, любовью и жизнью лошади.

Семнадцатилетняя Лиза Соколова мечтает победить в конкуре с Вегой — кобылой, которой доверяет больше, чем людям. Но после падения ей приходится заново учиться смелости. А потом появляется Артём Волков: сильный соперник, мастер невыносимых шуток и парень, рядом с которым сердце сбивается с ритма.

Пока между ними рождается первая любовь, отец Артёма начинает переговоры о покупке Веге. Артём знает об этом и молчит. Когда правда откроется, под угрозой окажутся и любовь, и мечта Лизы.

В старом альбоме бабушки скрыта история лета 1980 года: другая девушка уже выбирала между победой, любимым человеком и своей лошадью. А после грозы в пустом манеже слышится ночной галоп. Но там нет ни одной лошади

Впереди самый важный для Лизы старт. Что страшнее: потерять победу или доверие Веге?

«Высота доверия» — роман о первой любви, тайнах прошлого и цене решения, которое нельзя принять за другого.

ЖОРА ХАРАКС

Высота доверия

ЖОРА ХАРАКС

ВЫСОТА

ДОВЕРИЯ

Роман

Пролог • Главы 1–24 • Эпилог • литературная редакция Х

Углублённая художественно-стилистическая редактура

полного романа · сохранён мастер-план 2.2

2026

Пролог. Искра

Ростовская область. Апрель 1980 года.

Искра терпеть не могла, когда люди спешили.

Об этом Надежда знала с того самого дня, когда впервые вошла к ней в денник с морковкой в одной руке и убеждённостию, что с лошадьми надо лишь обращаться ласково — в другой. Кобыла тогда съела морковку, наступила девушке на сапог и всем своим видом дала понять, что дальнейшее знакомство будет проходить исключительно на её условиях.

За два года Надя поняла, что с Искрой не договоришься силой. Приходилось дожидаться, когда кобыла сама перене-

сёт вес, освободит ногу, решит подойти к человеку.

С людьми Надя пока так не умела.

— Левую, — попросила она, проводя ладонью по рыжей ноге.

Кобыла не пошевелилась.

— Ты прекрасно понимаешь, какую.

Искра отвернулась к окну. Там орали воробьи; по сравнению с ними человеческие просьбы были делом необязательным.

— Пётр Иванович сказал, что сегодня проверит нам все копыта.

Никакой реакции.

— Ладно. Если он спросит, я скажу, что ты отказалась сотрудничать с советской властью.

За спиной раздалось покашливание.

— С советской властью, Надежда, лучше сотрудничать добровольно. Ей это нравится.

Надя обернулась.

В дверях конюшни стоял Пётр Иванович, тренер местной секции общества «Урожай». На нём была старая куртка, пахнувшая табаком и лошадьми, и выражение лица человека, которого невозможно удивить человеческой глупостью, потому что он посвятил ей большую часть профессиональной жизни.

— Она ногу не даёт, — пожаловалась Надя.

— А ты попроси.

— Я уже три раза.

— Значит, три раза попросила неправильно.

Он прошёл мимо, не вмешиваясь.

Надя знала этот способ преподавания: тренер уходил, а его замечание оставалось стоять рядом с тобой до самого вечера.

Надя убрала щётку, подождала, пока Искра перенесёт вес, и осторожно повторила просьбу.

На этот раз кобыла подняла ногу.

— Вот видишь, — сказала Надя. — Могла же сразу.

Искра дёрнула ухом.

Искра дёрнула ухом. Победой это не считалось.

Конюшня просыпалась неторопливо.

В соседнем деннике серый мерин Факел гремел кормушкой, хотя завтрак давно закончился. На дворе двое старших спортсменов раскатывали ручную тележку с жердями. Из радиоприёмника в комнате дежурного доносилась бодрая музыка. Возле двери висел календарь с олимпийским мишкой.

До Московской Олимпиады оставалось три месяца.

Надя каждый день видела олимпийского мишку на календаре. На Игры она не рассчитывала: слишком далеко от районной секции до большой сборной. Зато с удовольствием представляла, как однажды поедет хотя бы на областные соревнования и привезёт домой фотографию Искры с розеткой.

Просто олимпийский мишка выглядел так, словно в жиз-

ни вообще не бывает непреодолимых препятствий.

Надя относилась к этому с уважением и некоторым недоверием.

Она вывела Искру во двор.

После ночного дождя земля потемнела. Солнце ещё не успело высушить лужи, и в каждой отражалось светлое апрельское небо. За конюшней начиналась дорога к совхозным полям. Далеко, за посадкой, тарахтел трактор.

Искра остановилась перед первой лужей.

— Только не начинай.

Кобыла осторожно переступила через воду, стараясь сохранить сухими все четыре ноги.

— Ты, конечно, страшно породистая. Особенно когда дождь идёт.

— Хорошая у тебя лошадь.

Голос раздался справа.

Надя обернулась.

У калитки стоял незнакомый парень в тёмных бриджах и сапогах. Лет восемнадцать, не больше. Смуглый, худощавый, с немного растрёпанными волосами. В одной руке держал уздечку, в другой — недоеденное яблоко.

— Знаю, — ответила Надя.

— Я вообще-то ей говорил.

Парень протянул яблоко Искре.

Кобыла заинтересовалась немедленно.

— Не надо кормить чужую лошадь без разрешения, —

сказала Надя.

Он остановил руку.

— Согласен. Это было невежливо.

— В отношении меня или лошади?

— Пока не решил.

Надя хотела ответить, но Искра настойчиво потянулась мордой к яблоку.

— Даже не смотри на него, — предупредила она кобылу.

— Мы с такими не знакомимся.

— С какими?

— Которые сначала подкупают лошадь, а потом представляются.

Парень убрал яблоко в карман.

— Михаил Белов.

— Поздравляю.

— С чем?

— С тем, что наконец представился.

Михаил рассмеялся.

У него оказался хороший смех. Открытый, без желания показать окружающим, насколько он остроумен.

Надя заметила это и немедленно рассердилась на себя.

— Ты новенький? — спросила она.

— Перевёлся из другой секции. Вчера приехал. Сегодня Пётр Иванович обещал посмотреть, что я умею.

— Пётр Иванович всех смотрит.

— И как?

— По-разному. Иногда после этого люди уходят в шахматы.

— Я в шахматы плохо играю.

— Тогда тебе здесь будет трудно.

Она повела Искру дальше.

Михаил посторонился и больше не пытался её задерживать.

Это было немного обидно.

На тренировочной площадке стояли шесть препятствий.

Пётр Иванович собственноручно прошёл маршрут, проверил расстояния и велел переставить один барьер. Двое ребят взяли за стойки.

— Надя, сначала разминка. Михаил, возьми Рубина. Посмотрю тебя на плоскости, потом будем прыгать.

Рубин оказался крупным гнедым меринком с совершенно невозмутимым выражением морды.

В отличие от Искры, он не интересовался чужими намерениями. Его занимало только то, что происходило непосредственно под ногами.

Михаил сел легко, без суеты. Проверил стремяна, провёл мерина шагом, затем рысью.

Надя невольно задержала взгляд.

Новичок действительно умел ездить.

И сидел правильно.

И руки держал спокойно.

Это было совершенно ни к чему.

— На своей лошади следи, — сказал Пётр Иванович.

— Я и слежу.

— Тогда зачем Искра пытается уйти к воротам?

Надя поправила повод.

— Она любопытная.

— Лошадь любопытная, всадник рассеянный. Получается прекрасный коллектив.

После разминки начались прыжки.

Первые три препятствия Надя прошла чисто. На четвёртом Искра чуть замедлилась, и девушка вовремя поддержала ритм. Пятый барьер тоже остался позади.

Оставался шестой.

Надя любила последний барьер.

Он всегда казался ей главным, даже если стоял ниже остальных. Последнее препятствие отделяло работу от результата. После него уже можно было выдохнуть, улыбнуться, услышать похвалу.

И поэтому на последних метрах Надя слишком часто пыталась выиграть всё сразу.

Сегодня она увидела удобное место для прыжка на мгновение раньше, чем нужно.

Чуть подалась корпусом вперёд.

Искра сделала ещё один темп.

Надя поняла ошибку слишком поздно.

Прыжок получился неровным. Кобыла энергично оттолк-

нулась, вынесла передние ноги и всё-таки сохранила жердь на месте.

Надя осталась в седле, но повод на приземлении выскользнул из одного пальца.

— Стой! — раздалось от ограждения.

Она остановила Искру, успокоила и погладила по шее.

Пётр Иванович подошёл неторопливо.

— Кто у вас маршрут проходил?

— Мы.

— Нет. Искра прошла. А ты присутствовала.

Надя почувствовала, как у неё загорелись уши.

Возле ограждения стоял Михаил.

И, что особенно неприятно, молчал.

— Я рано подалась вперёд, — признала Надя.

— Знаешь, значит.

— Знаю.

— Хорошо. Знание — полезная вещь. Иногда им даже пользуются.

Он отправил её ещё на круг.

Вторая попытка получилась лучше. Надя дождалась нужного момента, сохранила посадку, позволила Искре самой завершить прыжок.

Препятствие осталось позади легко, почти незаметно.

— Теперь похоже на работу, — сказал Пётр Иванович.

Это была высокая похвала.

После Нади вышел Михаил.

Он держался спокойнее, чем она ожидала. Не пытался срезать углы, не ускорял Рубина без необходимости, не демонстрировал лишней смелости. Четыре барьера прошёл чисто.

На пятом ошибся.

Слишком сильно собрал мерина перед прыжком. Рубин потерял поступательное движение и задел жердь.

Шестое препятствие они преодолели уверенно.

— Неплохо, — сказал Пётр Иванович. — Только не мешай лошади думать.

— Она думает быстрее меня, — признал Михаил.

— Тогда вам повезло.

Надя опустила голову, пряча улыбку.

После тренировки она долго рассёдлывала Искру.

Проверила спину, вычистила копыта, прошлась щёткой по шее. Кобыла стояла расслабленно и иногда поворачивала голову, проверяя, не появилась ли морковь.

Во дворе кто-то позвал Михаила.

Он не ответил.

Через минуту остановился у денника.

— Твой последний прыжок был хороший.

— Второй?

— Конечно. Первый был скорее приключением.

Надя положила щётку.

— У тебя на пятом тоже красиво получилось.

— Особенно звук?

— Великолепный. Жердь до сих пор вспоминает.

— Я заметил, ты умеешь поддерживать людей.

— Я очень добрая.

— С первого взгляда понятно.

Он опёрся плечом о косяк.

— А если серьёзно, Искра замечательная.

Надя погладила рыжую шею.

— Она у нас самая умная.

— Это не очень большая похвала, если судить по людям.

Надя засмеялась раньше, чем успела остановиться.

Михаил посмотрел на неё уже без насмешки.

От этого взгляда стало неловко.

Она отвернулась и принялась распутывать совершенно не запутавшийся недоуздок.

— Ты давно занимаешься? — спросил он.

— Четвёртый год. А ты?

— С двенадцати. Сначала отец считал, что я должен пойти в футбол.

— И почему не пошёл?

— Лошади меньше спорят с судьёй.

— Не всегда.

— Ты права. Скажи, Надя, а ты хочешь серьёзно выступать?

Михаил спросил тихо, без привычной насмешки. Надя не сразу нашла ответ.

— Хочу.

— Насколько серьёзно?

Она подняла глаза.

— Настолько, насколько получится.

— Я тоже.

— Тогда нам придётся соревноваться.

— Придётся.

Они помолчали.

Потом Михаил вынул из кармана яблоко.

— Теперь можно?

Надя посмотрела на Искру.

Кобыла уже вытянула шею.

— Половинку, — разрешила Надя. — И сперва спроси, как её зовут.

— А как её зовут?

— Искра.

— Красивое имя.

— Не зазнавайся. Она всем нравится.

Михаил протянул угощение на раскрытой ладони.

Искра взяла его осторожно.

Надя поймала себя на странном чувстве: ей понравилось, как он держал ладонь.

Не боялся, не суетился, не пытался похлопать кобылу по морде, как это делали люди, плохо знакомые с лошадьми.

Просто ждал.

Вечером Пётр Иванович собрал спортсменов у конторки.

На стене висели расписание дежурств, план тренировок и газетная вырезка о подготовке к Олимпиаде.

— Через месяц областной отбор, — сообщил он. — Возможность выступить от нашей секции будет. Но возьмём только одну основную пару. Вторую — в резерв.

Надя перестала застёгивать куртку.

Михаил стоял у окна.

— Решение приму после контрольной тренировки. Смотреть буду не на разговоры. На работу. И на состояние лошадей, само собой.

Кто-то спросил о высоте препятствий.

Пётр Иванович ответил, затем добавил:

— Никакого геройства за счёт коня не потерплю. Кому хочется совершать подвиги, устраивайтесь в пожарную охрану.

Ребята засмеялись.

Надя не смеялась.

Месяц.

Одна основная пара.

И Михаил Белов, который умел держать повод так, словно родился с ним в руках.

Она вышла из конюшни последней.

Михаил ждал у калитки.

— Слышала?

— Я не глухая.

— Значит, будем соперниками.

— Мы уже.

Он протянул ей руку.

— Тогда договоримся. Кто победит, тот не зазнаётся.

Надя пожала его ладонь.

— А кто проиграет?

— Не обидится.

— Вот тут я ничего обещать не могу.

Михаил улыбнулся.

— Справедливо.

Она пошла к остановке.

Через несколько шагов обернулась.

Он всё ещё стоял у калитки.

— Белов!

— Что?

— На пятом препятствии ты действительно рано собрал
Рубина!

— Знаю!

— Тогда зачем прыгал?

— Хотел посмотреть, заметишь ли ты!

Надя покачала головой и пошла дальше.

Она была уверена, что этот самодовольный парень ещё доставит ей множество неприятностей.

Впервые в жизни она радовалась предстоящим неприятностям.

А за её спиной, в тёплой конюшне, Искра спокойно доела сено.

Глава 1. Четыре штрафных очка

Вега украла левую перчатку за три минуты до тренировки. Лиза считала это личным предательством.

— Верни.

Гнедая кобыла стояла посреди денника с безукоризненно чистой совестью. Только три пальца чёрной перчатки торчали у неё изо рта.

Лиза смотрела на перчатку, как на последний предмет из разграбленного гардероба.

— Вега, у нас важный разговор.

Кобыла пошевелила ушами.

— Ты взрослое, воспитанное животное. По крайней мере, так написано в документах.

Вега медленно повернула голову.

— И между прочим, это моя последняя нормальная пара!

— Не уговаривай, — посоветовала Соня из прохода. — Предложи выкуп. У вас явно криминальные отношения.

Она держала телефон и снимала происходящее.

— Соня, выключи.

— Не могу. Общественность должна знать правду.

— Какую ещё правду?

— Что знаменитая спортсменка Елизавета Соколова не способна справиться с одним предметом гардероба.

— Я пока не знаменитая.

— После этого видео о тебе узнают даже те, кому лошади совершенно безразличны.

Лиза вытащила из кармана кусочек моркови, который приготовила для угощения после работы, и показала Вега. Та немедленно потеряла интерес к перчатке.

Обмен состоялся быстро и без переговоров.

— У тебя совершенно продажный характер, — сказала Лиза кобыле.

— Чей бы карман проверила, — заметила Соня, убирая телефон.

На часах было семь двадцать две.

Через восемь минут должна была начаться тренировка.

А в половине девятого Лизе следовало находиться в школе и делать вид, что у неё в жизни существуют предметы, кроме биологии, русского языка и конного спорта.

С последним получалось значительно лучше.

В шкафчике под седлом лежала маленькая тетрадь в клетку. Лиза завела её после первого сезона, когда обнаружила, что память охотнее хранит удачные прыжки, чем неудачные подходы. На первой странице было написано: «Не спорить с лошадыю, если сама не понимаешь, чего хочешь». Дальше шли даты, упражнения, короткие замечания Веры Андреевны и сердитые стрелки, которыми Лиза отмечала повороты.

Лиза мысленно записала: «Вега победила меня в переговорах по перчатке». Перчатку она отобрала. С волнением перед большой серией соревнований дело шло хуже.

Соня перехватила её у двери.

— Ты чего такая бледная? Опять думаешь про завтрашний старт?

— Думаю, где взять запасные перчатки.

— Убедительно. Очень взрослый ответ.

Лиза посмотрела на денник. Вега уже спокойно жевала сенно, словно не участвовала в утреннем преступлении.

— Иногда я думаю, что она знает обо мне больше, чем я сама.

— Естественно. Она каждый день наблюдает, как ты пытаешься её перехитрить.

Они засмеялись. Потом Лиза закрыла шкафчик и проверила, не торчит ли ремень снаряжения в проход. Знакомые маленькие дела возвращали уверенность лучше, чем любые речи о будущей победе.

Весеннее утро пахло влажной землёй, свежими опилками и травой, которая за неделю успела вырасти вдоль дорожек конного клуба «Лесной берег».

Клуб находился в Подмоскovie, на окраине небольшого посёлка. За дальним манежем начинался смешанный лес. Весной там шумели берёзы, летом кусали комары, а осенью дорожки превращались в место, где одинаково легко потерять подкову и представление о человеческом достоинстве.

Лиза любила это место.

Даже когда приходилось вставать в половине шестого. Даже когда в дождь сапоги прибавляли по килограмму грязи.

Даже когда мать спрашивала, почему у других девушек в

её возрасте пахнут духами, а у неё — средством для ухода за кожаной амуницией.

Вега принадлежала Ирине Лавровой, хозяйке клуба, но Лиза занималась на ней третий сезон и знала каждое белое пятнышко, каждую привычку, каждую особенность движения.

На лбу у кобылы была маленькая белая звёздочка, чуть сдвинутая вправо. Когда-то Лиза решила, что она похожа на след от неудачно поставленной подписи.

Позже привыкла думать, что это просто звезда. У Веги были широкая грудь, сильная спина и особенное выражение глаз: спокойное, внимательное, иногда почти насмешливое.

«У тебя богатая фантазия», — говорила мать, когда Лиза рассказывала об этом.

Возможно.

Но Вега действительно различала настроение людей.

И уж точно прекрасно понимала, когда Лиза нервничает. — Подпругу проверь ещё раз, — сказала Вера Андреевна.

Тренер стояла у входа на открытую площадку в тёмной куртке и с термокружкой кофе.

Вера Андреевна не любила длинных объяснений и никогда не повышала голос без необходимости. Самые неприятные замечания она произносила ровно и спокойно.

Это было особенно обидно.

Лиза проверила подпругу.

— Всё нормально.

— Тогда в седло.

— Мы сегодня будем прыгать?

— Посмотрим.

— Что посмотрим?

— Сначала — умеешь ли ты ездить шагом.

Соня отвернулась, чтобы скрыть улыбку.

— Я три года выступаю, — напомнила Лиза.

— А шагом ездить всё ещё полезно.

Первые двадцать минут прошли хорошо.

Вега двигалась ровно. Лиза чувствовала привычную упругость спины, движение задних ног, дыхание кобылы и собственный ритм, который постепенно совпадал с её шагом.

На длинной стороне манежа она выполнила переход в рысь, потом снова в шаг.

Вера Андреевна наблюдала.

— Руки спокойнее.

Лиза смягчила контакт.

— Не бросай повод. Спокойнее — не значит совсем без управления.

Вега вытянула шею.

Солнце поднялось над крышей конюшни, и влажный песок манежа засветился золотистыми полосами. В такие минуты Лиза понимала, ради чего существует конный спорт.

Не ради кубков.

Не ради фотографий на пьедестале.

Даже не ради того особенного чувства, когда диктор объявляет твоё имя.

Ради нескольких секунд, в которые перестаёшь отдельно ощущать собственное тело и лошадь под собой. Ты просишь — она отвечает. Ты замечаешь её движение раньше, чем успеваешь облечь это в слова.

И всё становится просто.

Потом Вера Андреевна велела начинать прыжковую работу.

Простота немедленно закончилась.

На площадке стоял небольшой тренировочный маршрут. Шесть препятствий, среди них два вертикальных барьера и оксер. Высота была для Лизы и Веги вполне рабочей.

Первое препятствие они прошли уверенно.

Второе тоже.

На третьем Лиза немного поторопилась с поворотом, но успела восстановить ритм.

— Дыши, — сказала тренер.

Лиза выдохнула.

Четвёртое.

Пятое.

Оставался последний вертикальный барьер.

Соня стояла у ограждения с телефоном.

Лиза знала, что снимает её.

И, как ни старалась, помнила об этом. Ей хотелось пройти маршрут идеально.

Хотелось показать Вере Андреевне, что она готова к настоящим соревнованиям. Хотелось наконец записать видео, которое не придётся пересматривать с мучительным желанием оправдать каждую ошибку.

Она чуть ускорила движение на подходе.

Вега откликнулась.

Но до барьера оставалось совсем немного, и Лиза в последний момент попыталась изменить дистанцию.

Кобыла прыгнула.

Передние ноги прошли чисто.

Задняя задела верхнюю жердь.

Раздался сухой стук.

Лиза слышала его ещё до приземления.

Жердь упала в песок.

— Шагом, — сказала Вера Андреевна.

Лиза остановила Вегу, перевела на шаг и погладила по шее.

— Ну зачем же ты...

Она осеклась, заметив лицо тренера.

— Что «зачем»?

— Не дотянулась.

— Кто?

— Вега.

— Интересно. А кто изменил темп за три шага до барьера?

Лиза промолчала.

— Давай на видео посмотрим.

Соня воспроизвела запись.

На экране маленькая Лиза в чёрной каске и тёмно-синем жилете красиво ехала через первые препятствия.

Потом начиналось самое неприятное.

Четвёртый барьер.

Пятый.

Поворот.

Вега шла ритмично.

Лиза чуть выдвинула корпус вперёд и попыталась ускорить кобылу. Затем, почувствовав неудобное расстояние, начала сдерживать.

Вега старалась выполнить обе команды.

Одновременно.

— Понятно, — сказала Лиза.

— Что именно? — спросила тренер.

— Я всё испортила.

— Это не анализ.

— Сначала ускорила. Потом передержала повод. И подавалась вперёд.

— Уже лучше. Что сделаешь в следующий раз?

— Не буду торопиться.

— Конкретнее.

Лиза вздохнула.

— Сохраню одинаковый ритм на повороте. Посмотрю на следующий элемент раньше. Не стану перед самым барьером

исправлять то, что должна была сделать за пять темпов до него.

Вера Андреевна кивнула.

— Вот теперь похоже на разговор спортсмена.

— Можно ещё раз?

— Один заход. Только на эту линию, без всей программы.

Лиза вернулась в седло.

Она очень хотела доказать, что умеет.

Но на этот раз попыталась не думать о доказательствах.

Вега пошла ровно.

Поворот.

Прямая.

Лиза дождалась движения кобылы, сохранила контакт, не стала искать невозможного идеального расстояния.

Прыжок получился мягким.

Жердь осталась на месте.

После приземления Лиза рассмеялась.

неожиданно для себя.

— Спасибо, девочка.

Вега потрянула головой и продолжила галоп. Со стороны это выглядело так, будто никакого особенного события не произошло.

Для Лизы произошло.

— Вот, — сказала Вера Андреевна. — Теперь заканчиваем на хорошем.

— Может, ещё один?

— Нет.

— Но у нас получается!

— Именно поэтому и заканчиваем.

Лиза немного обиделась.

А потом посмотрела на часы.

И обида сменилась ужасом.

— Соня!

— Что?

— Без десяти восемь!

Соня посмотрела на телефон.

— Ты знаешь, если сейчас поедem быстро, успеем.

— До школы двадцать минут!

— Значит, опоздаем красиво.

В половине девятого Лиза ворвалась в класс.

На брюках у неё сохранилось маленькое светлое пятно от пыли. Волосы были собраны в хвост, который за время дороги превратился в самостоятельную форму жизни.

Учительница русского языка, Анна Борисовна, подняла глаза от журнала.

— Соколова. Мы уже начали.

— Я знаю. Простите.

— Причина?

Лиза открыла рот.

Соня, сидевшая у окна, едва заметно покачала головой. Это означало: «Не говори про лошадь».

— Транспорт, — ответила Лиза.

— Какой именно?

— Ненадёжный.

— И что с ним произошло?

— Он плохо рассчитал дистанцию.

Класс засмеялся.

Анна Борисовна сняла очки.

— Соколова, я надеюсь, что на экзамене ты будешь точнее формулировать причинно-следственные связи.

— Я тоже, — честно сказала Лиза.

— Садись.

Она проскользнула к Соне.

Та наклонилась и прошептала:

— Поздравляю. Ты только что обвинила маршрутку в ошибке на барьере.

Лиза достала тетрадь.

— Молчи.

— Я вообще ничего не говорю.

— Ты улыбаешься.

— У меня лицо такое.

На перемене они устроились на подоконнике в конце коридора. Лиза ела яблоко и смотрела запись утренней тренировки.

Соня вытащила у неё телефон.

— Ещё раз посмотришь — Вега тебе во сне явится и попросит оставить её в покое.

— Мне надо понять, где ошибка.

— Ты уже поняла.

— Можно понять лучше.

— Можно ещё подготовиться к русскому.

Лиза забрала телефон.

— Соня, у нас с тобой очень разные представления о счастье.

— Нет. Просто у тебя счастье весит пятьсот килограммов и съедает весь семейный бюджет.

Это было сказано шутливо.

Но Лиза перестала улыбаться.

Соня сразу заметила.

— Эй. Я не то имела в виду.

— Всё нормально.

— Лиз...

— Правда.

Она убрала телефон.

Соня помолчала.

— Мама опять про расходы говорила?

— Она ничего плохого не сказала.

— Значит, говорила.

Лиза повернула яблоко в руке.

— Просто спросила, когда у меня появится время заниматься поступлением.

— Вполне разумный вопрос.

— Я занимаюсь.

— Я видела твою тетрадь. Там на последней странице нарисована Вега.

— Это схема для запоминания.

— Чего?

— Не твоё дело.

Соня рассмеялась.

Лиза тоже улыбнулась, но уже с усилием.

Она действительно готовилась к экзаменам. Хотела поступить на бюджетное место. Пока выбирала между биологическим направлением и специальностью, связанной с животными. Понимала, что решение нельзя откладывать до бесконечности.

Просто конный спорт всё время оказывался важнее.

Не потому, что Лиза была глупой.

Семнадцатилетняя Лиза могла аккуратно подсчитать стартовые взносы, но не умела представить год, в котором перестанет каждое утро идти к Веге. Поэтому в её расчётах всегда оставалась одна неоплаченная строка: надежда.

После уроков Лиза вернулась в клуб. Ей предстояло почистить амуницию, помочь подготовить лошадей к вечерним занятиям и разобрать с тренером утреннее видео.

У входа в контору висел новый плакат.

Белый фон.

Зелёная полоса.

Четыре стилизованных препятствия.

«КУБОК ЧЕТЫРЁХ МАНЕЖЕЙ. ЛЕТНЯЯ СЕРИЯ СОРЕВНОВАНИЙ ПО КОНКУРУ».

Лиза остановилась.

Ниже были указаны даты четырёх этапов, возрастные категории, высоты маршрутов и условия допуска.

Она начала читать.

Потом перечитала.

— Вера Андреевна!

Тренер вышла из конторки с папкой.

— Что случилось?

— Вы видели?

— Плакат?

— Да!

— Я его утром повесила.

Лиза повернулась к ней.

— Мы можем участвовать?

— Кто «мы»?

— Я и Вега.

— Если подготовитесь и оформите заявку.

— А там правда будет спортивная поддержка?

— Для лучших участников серии предусмотрен отбор на субсидируемую программу подготовки следующего сезона. Не путай с гарантированным местом. Понадобятся результаты, заключение тренеров и соответствие условиям.

Лиза снова посмотрела на плакат.

Осенняя подготовка.

Новые старты.

Работа с сильными тренерами.

Возможность, которую её семья вряд ли смогла бы оплатить самостоятельно.

— У нас есть шанс? — спросила она.

Вера Андреевна некоторое время изучала её лицо.

— Есть.

Лиза выдохнула.

— Правда?

— Соколова, я редко говорю неправду. Особенно когда можно промолчать.

— А большой?

— Что большой?

— Шанс.

— Достаточный, чтобы работать.

Лиза почувствовала, как у неё внутри что-то расправилось.

Вера Андреевна указала на плакат.

— Но учти. Соревнования — не лекарство от всех неприятностей. Будет трудно, будут ошибки, и девочки из других клубов тоже хотят побеждать.

— Я знаю.

— Не уверена.

— Почему?

— Потому что ты сейчас смотришь на приз так, словно остальные участники существуют только для украшения фо-

тографий.

Лиза хотела возразить.

Но промолчала.

Тренер оказалась права.

Опять.

Это начинало входить у неё в дурную привычку.

Вечером она сидела рядом с денником Веги и составляла план.

На телефоне появился список:

Подготовка к первому этапу.

Работа над поворотами.

Стабильный ритм.

Не торопиться перед последним.

Ниже она написала:

Выиграть.

Подумала и стёрла.

Вместо этого:

Пройти лучше, чем сегодня.

Вега стояла у решётки, наблюдая за ней.

— Смотри, — сказала Лиза. — У нас наконец нормальный план.

Кобыла вытянула губы в сторону телефона.

— Нет, это несъедобное.

Лиза положила телефон в карман.

— Если всё получится, мы сможем тренироваться даль-

ше. Может, даже поехать на серьёзные сборы. Ты представляешь?

Вега тихо фыркнула.

— Я тоже пока плохо.

Со стороны конторки послышались шаги. Ирина Лаврова остановилась возле денника.

Ей было около сорока пяти. Она всегда двигалась быстро и говорила так, словно мысленно уже отвечала на следующий телефонный звонок. Сегодня в руках у неё была папка с документами.

— Лиза, Вера сказала, что ты хочешь заявиться на серию.

— Очень хочу.

— Маршруты посмотрела?

— Да.

— Финансовые условия тоже?

Лиза чуть замялась.

— Посмотрю с мамой.

Ирина кивнула.

— Обязательно. Стартовые взносы, перевозка, ветеринарные документы — всё это надо рассчитывать заранее. Я могу помочь с организацией, но обещать бесплатный сезон не буду.

— Я понимаю.

— И Вега должна подходить под нагрузку. Тренер решает спортивную часть.

— Конечно.

Лиза встала.

— Ирина Викторовна, а вы не против, чтобы мы с Вегой прошли всю серию?

Хозяйка клуба посмотрела на кобылу. Вега вежливо сделала шаг к решётке.

Ирина протянула ей ладонь, позволила обнюхать и погладила по шее.

— На первый этап — не против. Дальше будем смотреть по обстоятельствам.

— Я очень постараюсь.

— В этом не сомневаюсь.

Ирина уже собиралась уйти, но задержалась.

— Только насчёт августа пока ничего не обещаю.

Лиза не сразу поняла.

— Почему?

— У клуба есть планы, которые ещё не окончательно определены.

— Какие планы?

Ирина посмотрела на папку.

— Когда будет что обсуждать, я скажу.

Она ушла.

Лиза осталась возле денника.

Ещё минуту назад перед ней существовали только четыре этапа, красивые маршруты и возможность доказать, на что они с Вегой способны. Теперь в этом будущем обнаружилась странная пустота.

Насчёт августа пока ничего не обещаю.

Лиза обернулась к Веге.

— Ты же никуда не собираешься?

Кобыла осторожно просунула нос между прутьями решётки и коснулась её рукава.

Лиза погладила тёплую морду.

— Вот и я никуда.

Она сказала это совершенно уверенно. Потому что ещё не знала, как мало иногда значит человеческая уверенность, когда лошадь тебе не принадлежит.

Глава 2. Мальчик на Марсе

Первое, что Лиза узнала о коне по кличке Марс, — он не любил яблоки. Второе — его всадник разговаривал с ним так, словно пытался заключить международный договор.

— Мы же договорились, — говорил высокий парень в белой спортивной рубашке. — Я не мешаю тебе смотреть по сторонам, ты не проверяешь на прочность каждый новый предмет.

Вороной мерин внимательно разглядывал ярко-жёлтый рекламный щит возле разминочной площадки.

— Там ничего нет. Реклама магазина. Понимаю, сам не люблю.

Марс остановился.

Парень вздохнул.

— Давай попробуем ещё раз.

Незнакомый всадник не стал принуждать коня пройти

вплотную к рекламному щиту. Он подождал, пока Марс перестанет коситься на колышущуюся ткань, затем попросил сделать шаг, сохранил спокойный контакт и похвалил за послушание. Лиза заметила это раньше, чем разглядела самого парня.

— А вот так правильно, — произнесла она.

Соня повернулась.

— Что?

— Он не дёргает. Конь испугался, а этот ждёт, пока тот поймёт, что опасности нет.

— Я уже поняла, что ты смотришь на коня.

— Я правда смотрю на коня.

— Конечно.

Лиза знала, как легко в такой ситуации потянуть повод сильнее, чем нужно: сама совсем недавно так сделала. Незнакомец дождался шага Марса и отпустил давление. Ей стало одновременно досадно и интересно.

Он успел заметить то, что она тогда пропустила.

Когда Марс прошёл мимо щита, парень коротко похвалил его и провёл ладонью по шее. Лиза задержала на этой руке взгляд. Соня, конечно, заметила.

Лиза наблюдала за ними, стоя рядом с Вегой.

— Ты на кого смотришь? — спросила Соня.

— На коня.

— А я думала, на парня.

— Соня!

— Что? Я просто уточняю объект наблюдения.

Лиза поправила ремешок каски.

— У него очень красивый конь.

— У парня тоже вполне приличная внешность.

— Ты можешь хотя бы пять минут не разговаривать?

— Могу. Но тогда ты будешь разговаривать сама с собой,

а это выглядит подозрительно.

Вега фыркнула.

Соня удовлетворённо кивнула.

— Вот. Даже она согласна.

Соревнования проходили на большой частной базе в Подмосковье.

Рядом с открытым манежем стояли ряды временных денников, грузовики для перевозки лошадей и несколько фургонов, из которых продавали кофе, сэндвичи и выпечку. Возле административного здания толпились спортсмены, тренеры и родители.

Над площадкой время от времени разносился голос диктора.

Лиза приехала с клубной командой рано утром. Дорога заняла больше часа, но она почти не заметила времени: читала схему маршрута, проверяла номер старта, смотрела фотографии препятствий.

Теперь от волнения немного тошнило. Соня утверждала, что это хороший признак.

— Значит, организм ещё живой.

— Спасибо. Очень поддержала.

— Я вообще специализируюсь на поддержке.

Их тренер разговаривала с организаторами. Вера Андреевна выглядела совершенно спокойно.

Это было несправедливо.

Лизе хотелось хотя бы один раз увидеть её волнующейся. Тогда можно было бы окончательно убедиться, что тренеры тоже относятся к человеческому виду.

— Соколова, — позвала она. — Пойдём смотреть маршруты.

Маршрут был поставлен на высоте ста десяти сантиметров.

Высота препятствий была знакомой, и всё же здесь каждое расстояние оборачивалось вопросом. А ответы требовались прежде, чем Вега успеет сделать следующий темп.

Вера Андреевна остановилась перед связкой.

— Смотри.

Лиза посмотрела.

Первый вертикальный барьер.

Несколько темпов галопа.

Оксер.

После него — поворот к следующему препятствию.

— Здесь не придумывай себе короткую дорогу, — сказала тренер.

— Если держать внешний поворот, потеряем время.

— Лучше немного времени, чем четыре штрафных очка.

— Но можно аккуратно сократить.

— Можно. Если умеешь и если позволяет ритм. Ты пока в этом не всегда уверена.

Лиза скрестила руки.

— Вы мне совсем не доверяете.

— Доверяю. Поэтому и говорю правду.

Соня, шедшая позади, тихо произнесла:

— Не нравится мне эта ваша тренерская дипломатия.

Лиза сделала вид, что не слышит.

У последнего препятствия Вера Андреевна остановилась снова.

— Здесь особенно не торопись.

Лиза вздохнула.

— Я помню.

— Что помнишь?

— Последний барьер — не повод терять голову.

— Хорошо. И не надо смотреть на финиш, пока не приземлилась.

Неподалёку кто-то рассмеялся.

Лиза обернулась.

Тот самый парень с вороным мерином стоял возле ограждения и слушал последние слова тренера.

Он не смеялся над ней.

По крайней мере, выражение лица было почти прилич-

ным.

— Простите, — сказал он. — Просто у меня тренер говорит ровно то же самое.

— Значит, у тебя хороший тренер, — отозвалась Вера Андреевна.

— И очень тяжёлая жизнь.

— Спорт вообще плохо приспособлен для отдыха.

Парень улыбнулся.

Его взгляд на секунду задержался на Лизе.

Она отвернулась первой.

И немедленно разозлилась на себя.

Позднее она увидела его имя в стартовом протоколе.

Волков Артём. Марс.

Восемнадцать лет.

Представлял другой клуб.

Лиза перечитала строку и зачем-то посмотрела на соседние.

Соня заметила.

Разумеется.

— Волков, значит.

— Ты читаешь через плечо.

— У меня зрение хорошее.

— Поздравляю.

— Спасибо. А у него Марс.

— Я видела.

— Большой конь.

— Очень.

— И сам высокий.

Лиза повернулась.

— Соня, ты сейчас перестанешь?

— Конечно. Я же воспитанный человек.

Она помолчала секунды три.

— Но вообще Марс — очень подходящее имя для парня, который считает себя центром Солнечной системы.

Лиза засмеялась.

И именно в этот момент услышала за спиной:

— Вынужден возразить. Марс планета, а не звезда.

Артём стоял совсем близко.

Соня мгновенно приобрела вид человека, неожиданно встретившего интересного собеседника.

— Прекрасно. Ещё и астроном.

— Только по необходимости.

— А в чём необходимость?

— Мне приходится объяснять окружающим, почему моего коня не зовут Юпитер.

Лиза посмотрела на него.

— И почему?

Артём улыбнулся.

— Потому что у Юпитера слишком много спутников. Мне столько внимания не выдержать.

— Судя по всему, внимание — последнее, чего тебе не

хватает.

— Это было очень тонко.

— Я старалась.

— Заметно.

Соня переводила взгляд с одного на другого с выражением человека, случайно обнаружившего бесплатный сериал.

— А вы давно знакомы? — спросила она.

— Минуту, — ответила Лиза.

— Мне уже кажется, целую вечность, — добавил Артём.

— Неприятную?

— Пока познавательную.

Он протянул руку.

— Артём.

Лиза посмотрела на ладонь.

Рука была узкая, с длинными пальцами. На правом указательном виднелась небольшая потёртость от поводка.

— Лиза.

Рукопожатие оказалось неожиданно крепким.

Не демонстративным.

Обычным.

Артём отпустил её руку первым.

— Ты на Веге, да?

— Да.

— Хорошая кобыла.

— Я знаю.

— Особенно как она идёт в поворот.

Лиза удивилась.

— Ты видел?

— На разминке.

— Подглядывал?

— Наблюдал. В спорте это разрешено.

— А я думала, ты слишком занят международными переговорами с Марсом.

Он рассмеялся.

И тут же стал серьёзнее.

— Если будешь проходить третью связку тем же темпом, что на разминке, не начинай сокращать перед оксером. Вега у тебя хорошо тянется вперёд.

Лиза мгновенно напряглась.

— Спасибо. У меня тренер есть.

— Я заметил. Хороший.

— И советы она даёт по делу.

Артём на секунду замолчал.

— Понял. Не буду мешать.

Он действительно отошёл.

Лиза смотрела ему вслед.

— Очень самоуверенный, — сказала она.

Соня кивнула.

— Ужасный.

— Вообще никакого такта.

— Никакого.

— Я же не просила его оценивать нашу разминку.

— Конечно.

Лиза подозрительно посмотрела на подругу.

— Почему ты со всем соглашаешься?

— Потому что мне хочется посмотреть, сколько ещё минут ты будешь говорить о человеке, который тебе совершенно неинтересен.

Первым в их категории выступал молодой спортсмен на сером мерине.

Он сбил два препятствия.

Следующая участница прошла чисто, но потеряла несколько секунд на широком повороте.

Потом выступала Полина Орлова.

Лиза знала её по прошлогодним соревнованиям.

Полина была невысокой темноволосой девушкой, всегда тщательно собиравшей волосы под каску. Она редко участвовала в общих разговорах перед стартом и почти никогда не комментировала чужие неудачи.

Это раздражало некоторых спортсменов больше любой открытой насмешки. Полина выглядела так, словно ей действительно интересно только то, что происходит между ней и лошадью.

Сегодня её спортивным партнёром был гнедой мерин по кличке Север.

Он шёл энергично и точно.

Полина провела его по маршруту без штрафных очков.

На финише диктор объявил время.

Лиза присвистнула.

— Быстро.

Вера Андреевна стояла рядом.

— Чисто и быстро.

— Спасибо. Я сама заметила.

— Тогда попробуй запомнить, что сначала было чисто.

Полина выехала с площадки.

Проходя мимо, она кивнула Лизе.

— Удачи.

— Спасибо.

Никакого подтекста.

Никакой высокомерной улыбки.

Лиза даже насторожилась.

Потом объявили Артёма Волкова.

Он появился на Марсе с другой стороны манежа.

Вблизи конь казался ещё крупнее.

Вороной, блестящий, с узкой белой отметиной на морде.

Уши насторожены, шея чуть выгнута. По движению было видно, что Марс силён и хорошо подготовлен.

Артём выглядел спокойным.

Слишком спокойным, по мнению Лизы.

Он поднял руку, приветствуя судей.

Прозвучал сигнал.

Марс пошёл галопом.

Первое препятствие.

Чисто.

Второе.

Третье.

Артём работал точно.

Он не пытался сделать каждое движение эффектным. На поворотах сохранял равновесие, не дёргал повод, заранее готовил коня к следующему прыжку.

Лиза постепенно перестала замечать самого Артёма.

Она смотрела на езду.

На то, как Марс менял длину темпа.

Как уверенно входил в поворот.

Как сохранял желание двигаться вперёд.

Последний барьер.

Прыжок.

Чисто.

Финиш.

Время оказалось лучше Полининого.

— Неплохо, — произнесла Лиза.

Соня медленно повернула голову.

— Что?

— Я сказала: неплохо.

— Запишу в дневник. Сегодня Лиза Соколова добровольно похвалила Артёма Волкова.

— Я похвалила коня.

— Конечно.

Марс на выходе из манежа потянулся носом к нагрудному

карману Артёма.

Тот погладил его по шее.

В этом жесте не было ничего показного. Лиза заметила, как Артём остановился, чтобы поправить снаряжение, прежде чем поехать к своей команде.

Эта маленькая подробность понравилась Лизе больше, чем чистый маршрут.

Её старт был через двадцать минут.

Время потекло быстро и одновременно мучительно медленно.

Лиза проверила подпругу.

Поправила перчатки.

Провела Вегу шагом.

Потом немного рысью.

Сделала несколько подготовительных прыжков на разминке.

Вега двигалась хорошо.

Ровно.

Охотно.

— Не спеши, — сказала Вера Андреевна.

— Я не спешу.

— Сейчас нет. На маршруте посмотрим.

Соня подошла к ограждению.

— Я снимаю.

— Только не комментируй.

— Хорошо.

— И не выкладывай, пока не посмотрим.

— А если будет красиво?

— Особенно если будет красиво.

Соня театрально подняла руку.

— Клянусь честью администратора чата «Грязные сапоги».

— Это не очень надёжная честь.

— Другой у меня нет.

Лиза улыбнулась.

И сразу почувствовала, что стало легче.

До старта оставалась минута.

Она посмотрела на Вега.

Кобыла спокойно жевала трензель и иногда прислушивалась к шуму на соседней площадке.

— Ну что, девочка, — шепнула Лиза. — Постараемся?

Вега повернула одно ухо назад.

Этого было достаточно.

На маршрут они вышли хорошо.

Лиза приветствовала судей.

Услышала сигнал.

Сделала круг.

Выбрала подход к первому препятствию.

Вега пошла уверенным галопом.

Первый барьер они преодолели чисто.

Второй тоже.

На третьем Лиза почувствовала, как кобыла чуть изменила ритм, но не стала вмешиваться без необходимости.

Прыжок получился лёгким.

Четвёртый.

Пятый.

Шестой.

Лиза слышала собственное дыхание и приглушённый стук копыт по песку.

Впереди был поворот.

Здесь можно было выбрать широкую линию, удобную для Веги, но немного более медленную.

Или сократить.

Артём прошёл этот участок очень хорошо.

Полина тоже.

Лиза помнила их время.

Если сейчас сделать короче, можно выиграть несколько секунд. Она повернула раньше, чем собиралась при осмотре маршрута.

Вега выполнила команду.

Но угол оказался теснее.

Кобыла чуть потеряла поступательное движение, и Лизе пришлось активнее посылать её вперёд.

Следующий прыжок они преодолели.

Не идеально.

Лиза почувствовала, что нарушила ритм.

Оставался последний барьер.

Она хотела всё исправить.

Слишком хотела.

В последний момент попыталась добавить темп.

Вега прыгнула.

Задняя нога коснулась жерди.

Звук падения был коротким.

обыкновенным.

Но Лизе показалось, что его услышали все до единого зрители.

Она закончила маршрут.

Перевела Вегу на шаг.

Погладила по шее.

Диктор объявил результат.

Четыре штрафных очка.

Время оказалось хорошим.

Очень хорошим.

И совершенно бесполезным для надежды обойти спортсменов, прошедших без ошибок.

— Нормально, — сказала Соня, когда Лиза выехала.

— Ненормально.

— Ты прошла быстро.

— И сбила последний.

— Такое бывает.

— Со мной слишком часто.

Вера Андреевна дождалась, пока Лиза немного успокоится.

— Что сделала на повороте?

— Срезала.

— Зачем?

— Хотела выиграть время.

— Получилось?

Лиза зло посмотрела на неё.

— Нет.

— Тогда зачем повторять одну и ту же ошибку?

Ответить было нечего.

Вера Андреевна взяла Вегу за повод, пока Лиза спешила-лась.

— Кобыла поработала хорошо. Сейчас сначала уход и отдых. Потом будем разбирать маршрут.

Лиза кивнула.

Она чувствовала себя не просто проигравшей.

Глупой.

За последние недели они столько раз говорили о ритме, о том, чтобы не торопиться, о доверии к Веге.

И всё равно в решающую секунду Лиза предпочла собственное желание результату всей предыдущей работы. Она отвела кобылу в назначенное место, расседлала после необходимой заминки, проверила ноги, постепенно привела Вегу в порядок.

Соня всё время была рядом.

Удивительно, но почти не шутила.

Лиза ценила это больше, чем могла признаться.

На награждение Лиза не пошла.

Она знала, кто победил.

Артём Волков.

Полина заняла следующее место.

Лиза оказалась значительно ниже из-за четырёх штрафных очков. Солнце уже клонилось к вечеру, когда она вышла из временной конюшни с ведром.

У входа стоял Артём.

Без каски.

С влажными после умывания волосами и очень довольным, но каким-то настороженным выражением лица.

Лиза остановилась.

— Пришёл поздравить себя?

Он посмотрел на ведро.

— Вообще-то хотел спросить, где здесь вода для мойки инвентаря.

— Там.

Она указала на кран.

— Спасибо.

Артём сделал шаг, потом остановился.

— Ты хорошо прошла.

— Четыре штрафных.

— Знаю.

— Значит, видимо, плохо.

— До последнего препятствия было очень хорошо.

Лиза сжала ручку ведра.

— Последнее тоже входит в маршрут.

— Это я заметил.

— Ты вообще всё замечаешь?

— Далеко не всё.

Он помолчал.

— Я видел твой поворот перед седьмым. Ты красиво зашла, только потом пришлось догонять темп.

— Спасибо за разбор. Мне ещё собственного тренера вполне хватает.

Артём не улыбнулся.

Это было неожиданно.

— Извини. Не хотел лезть.

Он отвернулся.

Лизе сразу захотелось вернуть предыдущую фразу назад.

— Артём.

Он посмотрел на неё.

— Что?

— Марс у тебя хорошо прошёл.

— Спасибо.

— Очень хорошо.

Артём на секунду растерялся.

Потом улыбнулся.

— От тебя это почти государственная награда.

— Не привыкай.

— И не собирался.

Он всё-таки пошёл к крану.

Лиза сделала несколько шагов, но обернулась.

— Волков!

— Да?

— А почему Марс не любит яблоки?

Он рассмеялся.

— Кто тебе сказал?

— Слышала на разминке.

— Он ест. Просто выбирает сорта.

— У коня есть любимый сорт яблок?

— Конечно. А у тебя нет?

— Есть.

— Вот видишь. Почему человеку можно, а лошади нельзя?

Лиза покачала головой.

— Ты ненормальный.

— Возможно.

Он поднял ведро.

— Зато Марс очень доволен нашим сотрудничеством.

— Не сомневаюсь.

В обратной дороге телефон остался лежать экраном вниз. Запись не исчезнет. Пока Лизе хватало одного воспоминания: как Вега после финиша положила голову ей на плечо.

Она открыла чат «Грязные сапоги».

Соня уже выложила фотографию, на которой Вега стояла рядом с Лизой и внимательно изучала её карман.

Подпись гласила:

«Наш главный спортивный консультант требует премию морковью».

Кто-то поставил смеющийся смайлик.

Полина написала:

«Лиза, поворот был смелый. Чуть шире — и прошли бы чисто».

Лиза удивилась.

От Полины это звучало совсем не как насмешка.

Она ответила благодарностью.

Через минуту пришло новое сообщение.

От незнакомого номера.

«Надеюсь, ты не решила навсегда возненавидеть последний барьер».

Лиза посмотрела на экран.

Следом появилось:

«Это Артём. Соня дала номер. Надеюсь, она предварительно согласовала международный договор».

Лиза медленно подняла глаза.

Соня сидела напротив в клубном микроавтобусе и очень старательно смотрела в окно.

— Ты дала ему мой номер?

— Какому ему?

— Соня.

— В мире несколько миллиардов мужчин.

— Волкову.

Соня повернулась.

— А. Этому.

— Зачем?

— Он спросил, можно ли написать тебе. Я решила, что ты достаточно взрослая, чтобы при необходимости отправить человека в блокировку.

Лиза хотела возмутиться.

Вместо этого посмотрела на телефон.

И написала:

«Последний барьер нормальный. Некоторые всадники раздражают гораздо сильнее».

Ответ пришёл почти сразу:

«Справедливо. Я это заслужил?»

Лиза подумала.

«Пока выясняем».

Три точки на экране появлялись и исчезали.

Наконец:

«Хорошо. Но у меня есть предложение. Вместо международного конфликта провести совместную тренировку».

Лиза не ответила.

Соня наблюдала за ней с нескрываемым интересом.

— Ну?

— Что «ну»?

— Ты улыбаешься.

— Нет.

— У тебя очень странное лицо, когда ты не улыбаешься.
Лиза убрала телефон.

Через несколько секунд достала снова.

На экране появилось новое сообщение Артёма:

«Кстати, наш клуб договорился о совместных летних тренировках на вашей базе. Так что нам придётся терпеть друг друга».

Лиза перечитала его дважды.

Потом посмотрела в окно.

За дорогой тянулись молодые берёзы. Солнце садилось, и мир был залит мягким, почти летним светом.

Сегодня она проиграла.

Сбила последний барьер.

Получила от тренера заслуженный разнос. В автобусе Лиза поймала себя на улыбке. Ехала с соревнований без призов — и всё равно улыбалась.

Сбитая жердь впервые за день отступила куда-то на задний план.

Глава 3. Цена мечты

Мать обнаружила, что Лиза собирается стать профессиональной спортсменкой, в воскресенье, в восемь сорок утра. Собственно, подозревала она это уже несколько лет.

Но до сих пор дочь хотя бы делала вид, что жизнь состоит не только из лошадей.

Сегодня притворяться перестала.

На кухонном столе лежали телефон, тетрадь, калькулятор и лист бумаги, исписанный цифрами.

— Что это? — спросила Татьяна Сергеевна.

— План.

— Чего?

— Сезона.

На полях тетради Лиза перечислила стоимость стартовых взносов и перевозок. Некоторые суммы были точными, другие — аккуратно помеченными вопросительными знаками. Она попросила у Ольги примерные цифры и неожиданно узнала, что половина привычных расходов проходит мимо неё: оплата труда людей, износ конезова, расходные материалы, обслуживание оборудования.

Лиза разделила лист надвое. Под словом «необходимо» строки теснились друг к другу, под «можно отложить» оставалось место для целой чужой жизни.

Татьяна Сергеевна взяла лист.

— А где здесь непредвиденные расходы?

Лиза посмотрела на чистое место внизу.

— Если напишу хотя бы приблизительно, итог станет ещё хуже.

— Тогда пиши приблизительно. Пустая клетка не делает расходы меньше.

Она положила лист обратно на стол.

— Ты можешь хотеть стать спортсменкой. Я не собираюсь

спорить с твоей мечтой. Я хочу, чтобы ты научилась видеть её стоимость целиком.

Лиза упрямо поправила карандаш.

— Если всё считать, ничего не захочется.

— Нет. Если всё считать, придётся выбирать. Это иногда неприятнее, но гораздо полезнее.

Лиза не ответила. Её злили взрослые, которые умели одним спокойным предложением испортить целый день. Позже она будет благодарна за эту фразу, но утром на кухне благодарность совершенно не входила в её планы.

Мать посмотрела на лист.

— А где завтрак?

— В холодильнике.

— Я спрашиваю, почему ты не завтракаешь.

— Я считаю.

— Замечательно. Значит, математика всё-таки пригодилась.

Лиза подняла голову.

Мать стояла в дверях в домашнем халате, с чашкой кофе. После рабочей недели у неё были усталые глаза, но настроение пока оставалось хорошим.

Лиза понимала, что это ненадолго.

— Мам, нам надо поговорить.

Татьяна Сергеевна поставила чашку на стол.

— Судя по количеству цифр, разговор обойдётся дорого.

— Не очень.

— Лиза.

— Ну... смотря с чем сравнивать.

Мать села напротив.

— С обычной человеческой жизнью.

— В обычной человеческой жизни люди тоже тратят деньги.

— Да. Но большинство не оплачивает гостиницу животному весом в полтонны.

— Вега не живёт в гостинице.

— Судя по стоимости содержания, у неё номер с видом на море.

Лиза хотела улыбнуться.

Не получилось.

Она подвинула матери лист.

Там были перечислены соревнования «Кубка четырёх манежей», стоимость стартовых взносов, предполагаемые расходы на перевозку и часть расходов, которые клуб мог взять на себя.

Внизу Лиза написала крупно:

ИТОГО.

Получившаяся сумма выглядела гораздо неприятнее, чем в её голове.

Мать долго изучала записи.

— Это за всё лето?

— Да.

— Только соревнования?

— И перевозка.

— Тренировки сюда не входят?

Лиза помедлила.

— Не все.

— Понятно.

Она взяла ручку и стала что-то считать.

Лиза следила за её лицом.

Татьяна Сергеевна работала бухгалтером в торговой компании. Любила точные цифры, не доверяла обещаниям скидок и никогда не покупала вещи только потому, что на них наклеили красный ценник.

Слово «бесплатно» она обычно встречала вопросом: «Кто платит?»

Лизу это раздражало.

Хотя чаще всего мать оказывалась права.

— Первый этап уже оплачен из тех денег, что мы откладывали на спорт, — сказала она. — Хорошо. Второй сможем потянуть. Дальше нужно смотреть.

— Там будет отбор на программу подготовки.

— Я прочитала.

— Если хорошо выступить, можно получить поддержку на следующий сезон.

— Можно. А можно не получить.

— Мам...

— Лиза, я не говорю, что ты плохо едешь. Я говорю, что мы не должны тратить деньги, которых у нас нет, на резуль-

тат, которого никто не обещал.

— Получается, мне вообще нельзя ничего планировать?

— Получается, план должен включать не только желания, но и возможности.

Лиза откинулась на спинку стула.

— У Артёма Волкова, наверное, таких разговоров не бывает.

Мать подняла брови.

— А это кто?

Лиза замерла.

Она вовсе не собиралась произносить его имя.

— Спортсмен.

— Понятно.

— Что тебе понятно?

— Пока ничего.

— Он просто выступает в нашей категории.

— Хорошо выступает?

— Нормально.

— Это у тебя синоним слова «отлично»?

— Мам!

Татьяна Сергеевна улыбнулась в чашку.

— Ладно, не буду вмешиваться в спортивную терминологию.

Лиза придвинула лист обратно.

— У него собственный конь. Хорошая экипировка. Возможность тренироваться сколько угодно. Наверное, ещё от-

дельная машина для перевозки.

— И что?

— Ему намного легче.

— Возможно.

— Ты говоришь так, будто это справедливо.

— Я не говорила, что справедливо. Я спросила, что ты собираешься с этим делать.

Лиза промолчала.

Мать подождала.

— У тебя есть Вега, хороший тренер и результаты, которые становятся лучше. Ты сама мне об этом говорила. Зачем сейчас сравнивать своё положение с чужим?

— Потому что на соревнованиях результаты сравнивают.

— Результаты, Лиза. Не семейные доходы.

— Деньги тоже влияют.

— Конечно. Я с этим не спору.

Татьяна Сергеевна посмотрела на неё внимательнее.

— Я хочу, чтобы ты занималась тем, что любишь. Но у тебя через несколько недель экзамены. Нужно подавать документы в институт. Ты собиралась серьёзно готовиться по биологии и химии.

— Я готовлюсь.

— Тогда покажи мне план, где есть и учёба.

Лиза нахмурилась.

— Это совсем другой разговор.

— Нет. Это одна жизнь.

Она произнесла последнюю фразу без нравоучительного тона.

Просто констатировала факт.

И от этого Лизе стало ещё обиднее.

Через час она уже была в клубе.

Вега встретила её привычным обыском карманов.

— У меня сегодня ничего нет, — предупредила Лиза.

Кобыла продолжила проверку.

— Совсем ничего.

Вега обнюхала рукав.

— Тебе сказали правду.

Она погладила кобылу по шее.

Вчерашнее поражение уже не казалось таким ужасным.

Сегодня его место заняли совсем другие мысли.

Что будет, если мать не сможет оплачивать соревнования?

Если Лиза не наберёт достаточно баллов для поступления?

Если клуб изменит условия?

Если вдруг придётся выбирать между серьёзной подготовкой и обычной учёбой?

В семнадцать лет будущее иногда представляется огромной открытой дорогой. Иногда — коридором с несколькими закрытыми дверями.

Сегодня у Лизы был именно второй вариант.

— Слушай, — сказала она Веге. — А ты никогда не ду-

мала, кем хочешь стать?

Кобыла потянулась к сену.

— Вот. Правильно. Никаких сомнений.

— Ты опять консультируешь лошадь по вопросам высшего образования?

Соня стояла в проходе, держа охапку чистых вальтрапов.

— Она очень перспективный студент.

— Особенно по части питания.

— Ты бы тоже лучше поела. Вид у тебя как у человека, который не поступил в университет.

— Я ещё не сдавала экзамены.

— Тогда у тебя есть редкая возможность не переживать заранее.

Лиза взяла у неё часть вальтрапов.

— Ты иногда такая разумная, что хочется тебя ударить.

— Знаю. Мама говорит, это мой единственный недостаток.

Они пошли к амуничнику.

В клубе было шумно.

В одном из денников работала конюх Ольга, в другом девочка лет двенадцати пыталась объяснить пони, почему ему следует стоять спокойно во время чистки.

Пони слушал с выражением человека, давно утратившего веру в педагогические методы. Возле мойки двое подростков спорили, кто забыл убрать ведро.

Из открытой двери амуничника пахло кожей, мылом и

свежим кофе.

Лиза почувствовала себя лучше.

Здесь всё было понятно.

Лошадь нужно накормить по установленному расписанию.

Амуницию — почистить.

Ведро — поставить на место.

Опилки — убрать.

Если что-то не работает, можно выяснить причину.

С людьми сложнее.

Они порой даже не знают, чего хотят.

Соня положила вальтрапы на полку и показала Лизе телефон.

— Смотри.

На экране была новая запись в чате «Грязные сапоги». Кто-то выложил фотографию Артёма с награждения.

Он стоял рядом с Марсом и держал небольшую серебряную статуэтку. Конь повернул голову в сторону награды, словно собирался проверить её съедобность.

Подпись гласила:

«Когда твой напарник сделал всю работу, а кубок получил ты».

Лиза улыбнулась.

— Справедливо.

— Я так и написала.

— Это ты выложила?

— Конечно. У меня редакторские обязанности.

Лиза приблизила фотографию.

Артём выглядел немного смущённым. Не так, как во время их разговора на соревнованиях.

— Марс красивый, — сказала она.

Соня сделала вид, что внимательно изучает потолок.

— Да, мы уже выяснили.

— А на фото у него очень смешные уши.

— У коня?

— Соня!

— Я уточняю. Журналист обязан быть точным.

Лиза отдала телефон.

— Кстати, он вчера написал.

— Знаю.

— Откуда?

— Я дала ему номер. Было бы странно, если бы не написал.

— Мы просто обсуждали тренировки.

— Замечательно.

— И всё.

— Я не возражаю.

Лиза подозрительно посмотрела на неё.

— Ты почему такая довольная?

— Потому что впервые за последние две недели ты обсуждаешь не только штрафные очки.

Она взяла со стола щётку.

— И потому что этот Волков не похож на идиота.

— Ты его совсем не знаешь.

— Я умею быстро составлять мнение.

— И часто ошибаешься.

— Конечно. Вон, с тобой до сих пор дружу.

Лиза рассмеялась.

Соня довольно кивнула.

— Вот. Совсем другое лицо.

До обеда они занимались хозяйственными делами.

Лиза вымыла кормушки, протёрла полки в амуничнике, помогла Ольге перенести чистые вёдра и разобрала часть старого снаряжения под руководством работника клуба.

Это не было наказанием.

Она любила работать в конюшне.

Обычные дела позволяли находиться рядом с лошадьми и чувствовать себя полезной.

Но сегодня Лиза делала всё особенно быстро. К полудню Ольга посмотрела на неё с подозрением.

— Ты чего разошлась?

— Помогаю.

— Вижу. Мне даже страшно. Ещё немного — и начнёшь мыть стены.

— А надо?

— Нет. И не вздумай.

Лиза убрала щётку.

— Оль, а если я буду чаще помогать, можно как-то уменьшить расходы на занятия?

Ольга прислонилась к дверному косяку.

— Это не ко мне. С Ириной Викторовной разговаривай.

— Я знаю.

— А чего тогда меня спрашиваешь?

Лиза пожала плечами.

Ольга посмотрела на неё внимательнее.

— Деньги?

— Угу.

— Понятно.

Она помолчала.

— Работу найти можно. Только не думай, что за неделю чистки денников заработаешь на большой турнир. И учёбу не бросай.

Лиза вздохнула.

— Вы все сговорились?

— Кто?

— Взрослые.

Ольга засмеялась.

— Нет. Мы просто уже были молодыми. Очень неприятный опыт.

После обеда Лиза отправилась в контору. Ирина Лаврова сидела за столом, заваленным бумагами.

Рядом стоял ноутбук. На экране виднелась таблица расходов.

Ирина говорила по телефону:

— Нет, я не могу ждать ещё две недели. Крышу необходимо отремонтировать до следующего сильного дождя... Да, смету получила... Мне нужна не новая смета, а понятная дата начала работ.

Она увидела Лизу и жестом попросила подождать. Разговор продолжался ещё несколько минут.

Наконец Ирина положила телефон.

— Если мне ещё раз скажут «как-нибудь решим», я начну кусаться. Что у тебя?

Лиза осторожно села на край стула.

— Я хотела поговорить о тренировках.

— Слушаю.

— Могу больше помогать в клубе. Убирать, чистить амбулаторию, выполнять поручения. Если это позволит немного сократить оплату.

Ирина откинулась на спинку кресла.

— Ты уже помогаешь.

— Могу больше.

— Лиза, сколько часов в сутках?

— Двадцать четыре.

— Хорошо. Значит, математику в школе ещё не отменили. Сколько из них ты собираешься спать?

— Шесть.

— Мало. Сколько учиться?

— Ну...

— Вот именно.

Лиза опустила глаза.

Ирина закрыла таблицу.

— Я понимаю, что тебе нужны деньги на сезон. Но у нас хозяйство, а не благотворительный фонд. Работа должна выполняться по правилам, с учётом возраста и безопасности. И нельзя заменять профессиональных работников подростками, которым очень хочется прыгать через барьеры.

— Я не прошу ничего бесплатно.

— Знаю.

Ирина немного смягчилась.

— Можем обсудить помощь на летних мероприятиях, когда закончишь экзамены. По согласованию с родителями, с нормальным графиком. Но всех расходов это не покроет.

Лиза кивнула.

— Спасибо.

Она уже собиралась уходить, но Ирина остановила её.

— Подожди. А первый этап как прошёл?

— Четыре штрафных.

— Знаю. Спрашиваю, как ты сама оцениваешь.

— Плохо.

— Почему?

— Могла чисто.

— А остальные препятствия?

— Нормально.

— Значит, один барьер не должен перечёркивать всю работу.

Лиза неожиданно почувствовала благодарность.

Ирина редко говорила о чувствах спортсменов. Обычно ей хватало забот о двадцати с лишним лошадях и людях, которые считали себя их хозяевами даже тогда, когда забывали вовремя оплатить содержание.

— Я исправлюсь, — сказала Лиза.

— Я уверена. Только не пытайся исправить всё за один день.

Разговор вроде бы закончился.

Но Лиза задержалась.

На столе лежала папка с надписью «Ремонт манежа».

Рядом — смета.

Она не собиралась подглядывать, однако крупные цифры были видны даже с её места.

— Дорого, да? — спросила Лиза.

Ирина посмотрела на смету.

— Очень.

— А нельзя отложить до осени?

— Можно. До первого серьёзного дождя. Потом придётся ремонтировать не только крышу.

Лиза невольно представила закрытый манеж.

Отменённые тренировки.

Лошадей, которых некуда поставить на занятиях в непогоду. Она всегда думала о клубе как о месте, которое просто существует.

Оказывается, кто-то каждую неделю должен был находить деньги, чтобы оно продолжало существовать.

— Поэтому вы говорили про август? — осторожно спросила она.

Ирина не ответила сразу.

— В том числе.

— А что может случиться в августе?

Хозяйка клуба сложила бумаги.

— Сейчас обсуждаются несколько вариантов, как сохранить финансовую устойчивость. Один из них связан с продажей лошади.

Лиза почувствовала неприятный холод в груди.

— Какой?

— Я не готова говорить, пока решение не принято.

— Но ведь...

— Лиза.

В голосе Ирины не было раздражения.

Только усталость.

— Я знаю, что ты привязана к Веге. И ценю твою работу. Но содержание клуба — моя ответственность. Иногда приходится принимать решения, которые кому-то не понравятся.

— Я понимаю.

— Не уверена, что пока понимаешь.

Лиза отвернулась.

Потому что Ирина была права.

Она не хотела понимать.

За конторой проходила узкая дорожка к открытому манежу. Лиза вышла туда и села на деревянную скамью.

Небо начало затягивать облаками.

С тренировочной площадки доносились голоса младшей группы.

— Пятку вниз!

— Смотри вперёд!

— Не надо помогать лошади всем телом!

Обычные замечания Веры Андреевны.

Знакомые до последнего слова.

Лиза достала телефон.

Открыла переписку с Артёмом.

После вчерашнего разговора он успел прислать три сообщения. Первое — фотографию Марса, который отворачивался от ведра с яблоками.

Подпись:

«Эксперимент доказал, что у нашего коня сложный характер».

Второе:

«Как Вега после дороги?»

Третье:

«Если захочешь, могу прислать видео твоего маршрута с другого ракурса. У нас тренер снимал».

Лиза вчера ответила коротко.

Теперь перечитала всё снова.

Ей хотелось поговорить с кем-нибудь, кто поймёт, насколько страшно можно бояться потерять лошадь.

И одновременно не хотелось говорить ни с кем.

Она набрала:

«У меня сложный день».

Посмотрела.

Стерла.

Написала:

«Спасибо за видео. Пришли, пожалуйста».

Отправила.

Ответ появился через минуту.

«Сейчас. Там хорошо видно поворот. И не переживай, в целом очень сильная езда».

Лиза усмехнулась.

«Ты всегда такой деликатный?»

«Нет. Только с опасными соперницами».

Лиза улыбнулась телефону.

А потом вспомнила разговор с Ириной.

Улыбка исчезла.

В конюшне Вега стояла спокойно, положив голову на край перегородки.

Лиза подошла.

— У нас проблемы.

Кобыла шевельнула ухом.

— Только ты не волнуйся. Это человеческие.

Вега потянулась к карману.

— Ну конечно. Тебе бы только есть.

Лиза осторожно провела ладонью по её шее.

Тёплая гладкая шерсть.

Знакомый запах.

Тихое дыхание.

Вега была настоящей.

Вот она, рядом.

Можно прикоснуться.

Можно услышать, как переступают копыта по подстилке.

Можно увидеть маленькую белую звезду на лбу.

И всё-таки эта лошадь принадлежала не Лизе. До сегодняшнего дня девушка знала это как юридический факт.

Теперь впервые почувствовала как угрозу.

— Ты же не виновата, что люди придумали деньги, — сказала она.

Вега отвернулась к сену.

Лиза тихо рассмеялась.

— Правильно. Не будем обсуждать экономику.

Она взяла щётку.

Начала чистить шею, потом плечо.

Движения были привычные, спокойные.

Никто их не торопил.

До этого дня она знала, что Вега принадлежит клубу. Теперь договорное слово «принадлежит» стало угрозой. Не обязательно выигрывать каждый турнир.

Не обязательно стать знаменитой.

Просто каждое утро приходить к своей лошади.

Но потом вспомнила соревнования.

Галоп.

Поворот.

Барьер, который приближается быстрее, чем успеваешь подумать.

И то мгновение после удачного прыжка, когда хочется смеяться от счастья.

Нет.

Она не могла отказаться от этого.

Пока не могла.

К вечеру в клуб приехало несколько гостей. Лиза заметила тёмный автомобиль у административного здания, но не придавала ему значения.

В выходные к Ирине постоянно кто-нибудь приезжал: владельцы лошадей, тренеры, поставщики, родители будущих учеников. Она как раз выносила чистое ведро, когда из конторы вышла Ирина в сопровождении высокого мужчины лет пятидесяти.

На нём была светлая рубашка, тёмные брюки и дорогие,

но удобные ботинки. Он выглядел человеком, который умеет считать деньги и предпочитает не тратить время на лишние разговоры.

— Можно посмотреть манеж? — спросил он.

— Конечно. Только сначала покажу конюшню.

— Хорошо.

Они пошли по проходу.

Лиза посторонилась.

Мужчина вежливо кивнул ей.

Ирина остановилась возле Вегиного денника.

— Вот она.

Мужчина посмотрел на кобылу.

Не торопясь.

Внимательно.

Вега, по своему обыкновению, подошла к решётке проверить нового человека.

— Красивая, — сказал он.

— И способности хорошие.

— Возраст?

— Одиннадцать.

— Работает сейчас стабильно?

— В пределах подготовки. У неё опытный тренер, есть постоянная всадница.

— Я видел записи последних стартов.

Лиза замерла возле двери.

Ирина кивнула.

— Если вопрос станет предметным, организуем полноценный осмотр и предоставим документы. Я не хочу обсуждать покупку по одним видеозаписям.

— Разумно.

Мужчина ещё немного посмотрел на Вегу.

Потом перевёл взгляд на Лизу.

— Вы на ней занимаетесь?

— Да.

— Давно?

— Третий сезон.

— Хорошо знаете кобылу?

Лиза чуть выпрямилась.

— Да.

Он улыбнулся.

— Хорошо. Это важно.

И пошёл за Ириной дальше по проходу.

Лиза осталась на месте.

«Покупку».

Она совершенно точно услышала это слово. Незнакомый мужчина приехал смотреть Вегу как возможную покупку.

Не просто красивую лошадь.

Не просто перспективную участницу турнира.

Вегу.

Её Вегу.

Лиза почувствовала, как у неё похолодели руки.

Она посмотрела вслед посетителям.

Ирина показывала мужчине соседний ряд денников, рассказывала о порядке содержания и тренировочной инфраструктуре.

Всё выглядело спокойно.

Деловито.

Обыденно.

Лизе хотелось подбежать и спросить, по какому праву они обсуждают её лошадь.

Но она знала ответ.

Именно поэтому осталась стоять.

Вечером Соня нашла её на скамейке у манежа.

— Ты почему трубку не берёшь?

Лиза показала экран.

Пять пропущенных звонков.

— Не слышала.

— Ты в порядке?

— Нет.

Соня села рядом.

Не стала шутить.

Лиза рассказала о разговоре в конторе.

О ремонте.

О возможной продаже.

О мужчине, который приходил смотреть Вегу.

Соня слушала внимательно.

Потом спросила:

— А Ирина сказала, что уже продала?

— Нет.

— И что собирается прямо завтра?

— Нет.

— Значит, пока ещё ничего не решено.

— Но может быть решено.

— Может.

Лиза повернулась к ней.

— Ты меня совсем не утешаешь.

— Я пытаюсь не врать.

Они помолчали.

С тренировочной площадки доносился стук копыт. Возле входа в конюшню Ольга разговаривала с ветеринарным фельдшером.

Клуб жил своей обычной жизнью.

И эта обычность казалась Лизе почти оскорбительной.

— Я не хочу её терять, — сказала она наконец.

Соня обняла её за плечи.

— Знаю.

— Ты не понимаешь. Я три года...

Лиза остановилась.

Потому что не знала, как объяснить.

Три года тренировок.

Три года утренних подъёмов.

Первый чистый маршрут.

Первое серьёзное падение.

Зима, когда Вега долго привыкала к новому соседу в конюшне. Весна, когда Лиза научилась работать спокойнее.

Маленькие победы, которых никто не записывал в протокол. Она знала, какой щёткой Вега любит, когда ей чистят шею.

Как меняется движение кобылы, если та устала. Как та прислушивается к шагам знакомого человека.

И как каждое утро проверяет карманы в поисках моркови.

Разве это можно купить?

Оказывается, можно.

Точнее, купить можно лошадь.

А всё остальное не входит в договор.

— Я понимаю, — тихо сказала Соня.

Лиза посмотрела на неё.

— Правда?

— Не всё. Но достаточно, чтобы не говорить тебе сейчас какую-нибудь глупость.

Это была одна из самых хороших вещей, которые Соня когда-либо ей говорила.

Домой Лиза вернулась поздно.

Мать сидела на кухне с ноутбуком.

— Ужинать будешь?

— Потом.

Татьяна Сергеевна посмотрела на дочь и сразу закрыла компьютер.

— Что случилось?

Лиза села напротив.

И рассказала.

Всё.

Не выбирая удобных слов.

Не обвиняя Ирину.

Не пытаясь представить себя единственной пострадавшей.

Просто рассказала.

Мать выслушала, потом медленно выдохнула.

— Понимаю.

— Мам, а если попробовать купить Вегу?

Татьяна Сергеевна посмотрела на неё с такой болью, что Лиза пожалела о вопросе.

— Лизонька...

— Я знаю. Дорого.

— Очень.

— А если постепенно?

— Стоимость самой лошади — только начало расходов.

Ты это знаешь лучше меня.

Лиза кивнула.

Она действительно знала.

Корм.

Постой.

Кузнец.

Ветеринар.

Амуниция.

Тренировки.

Перевозки.

Соревнования.

Вега никогда не была дешёвым увлечением. Просто до сих пор большая часть этих расходов оставалась за пределами Лизиной жизни.

— Я не могу купить тебе Вегу, — сказала мать. — И не стану обещать, что найду чудесный способ.

Лиза опустила голову.

— Я понимаю.

Татьяна Сергеевна протянула руку и накрыла её ладонь.

— Но я могу помочь тебе разобраться, что действительно происходит. Поговорить с Ириной, уточнить сроки, понять, какие варианты ещё существуют.

— Ты бы пошла со мной?

— Конечно.

Лиза посмотрела на мать.

Утренний разговор вернулся к ней среди чужих голосов: мать не запрещала мечтать, просто считала деньги, которых у самой Лизы ещё никогда не было.

А теперь выяснилось, что понимает.

Просто не может отменить законы арифметики.

Лиза придвинулась и обняла её.

— Мам...

— Что?

— Прости, что утром нагрубила.

— Ничего.

— И за то, что почти всё время говорю про лошадей.

— Это уже тяжёлое заболевание. Боюсь, неизлечимое.

Лиза засмеялась.

Мать погладила её по волосам.

— Ты только не забывай, что кроме лошадей у тебя есть и люди.

— Я знаю.

— Хорошо.

Татьяна Сергеевна немного отстранилась.

— Кстати. Артём Волков — это человек или лошадь?

— Мам!

— Просто уточняю.

Перед сном Лиза открыла переписку с Артёмом.

Он прислал обещанное видео.

С другого ракурса ошибка выглядела ещё очевиднее.

Лиза посмотрела его один раз.

Потом второй.

И заметила деталь, которую раньше пропустила. На экране Артём стоял у ограждения и наблюдал за её выступлением.

Когда Вега сбила жердь, он невольно дёрнулся, словно сам почувствовал неудачный прыжок.

А когда Лиза закончила маршрут, поднял руку и слегка

хлопнул.

Не громко.

И даже не глядя по сторонам.

Лиза остановила запись.

Увеличила изображение.

Качество стало хуже, но движение было видно.

Он действительно хлопнул.

Ей неожиданно стало тепло.

Она написала:

«Спасибо. Теперь ошибка совсем понятна».

Артём ответил:

«Хочешь, на следующей тренировке покажу, как мы с Марсом проходим похожий поворот?»

Лиза задумалась.

«Хочу. Но это не значит, что ты умнее меня».

«Конечно. Просто у Марса высшее образование».

«По какой специальности?»

«Управление неразумными людьми».

Лиза рассмеялась.

Мать заглянула в комнату.

— Что смешного?

— Ничего.

— Очень убедительно.

Дверь закрылась.

Лиза снова посмотрела на телефон.

Ей хотелось рассказать Артёму про Вегу.

Но они были знакомы всего несколько дней. Он только что выиграл соревнования, жил в совершенно другом мире и, вероятно, не понимал, каково это — считать деньги перед каждым стартом.

Она решила пока не говорить.

Вместо этого написала:

«Спокойной ночи, Волков».

Ответ пришёл мгновенно.

«Спокойной ночи, Соколова. И передай Веге, что Марс всё ещё считает её очень привлекательной».

Лиза улыбнулась.

«Передам. Но она предпочитает мужчин с морковью».

«Учту».

Она отложила телефон.

Погасила свет.

Она долго лежала без сна. Думала о Веге, о возможной продаже и о Волкове, который ухитрился занять в этих мыслях слишком много места.

Это было неудобно.

И тревожно.

И неожиданно приятно.

На следующее утро Лиза приехала в клуб раньше обычного.

Она хотела поговорить с Ириной.

Но хозяйка ещё не появилась.

В конторе была только Ольга, которая проверяла журнал посещений и записывала заявки на занятия.

— Ирина Викторовна во сколько будет? — спросила Лиза.

— К десяти обещала.

— А вчерашний мужчина?

Ольга подняла голову.

— Какой?

— Который смотрел Вегу.

— А-а. Он с Ириной отдельно договаривался. Что-то хотел уточнить по документам.

Лиза почувствовала, как сердце неприятно стукнуло.

— Он ещё приедет?

— Не знаю.

Ольга перевернула страницу журнала.

— Тут записано, кто приходил. Можешь посмотреть время визита, если тебе для Ирины нужно. Только ничего не исправляй.

Она ушла к телефону.

Лиза подошла к столу.

Журнал лежал раскрытым.

Вчерашняя дата.

Несколько фамилий.

Поставщик кормов.

Ветеринарный специалист.

Представитель ремонтной фирмы.

И одна запись ближе к вечеру:

«Волков С. Н. — осмотр лошади. Согласовано с И. Лавровой».

Лиза перечитала фамилию.

Потом ещё раз.

Волков.

Не такая уж редкая фамилия.

В Москве и Подмоскowie наверняка живут тысячи Волковых.

И всё-таки странное чувство возникло сразу.

Она достала телефон.

Открыла фотографию с награждения.

Артём Волков стоял рядом с Марсом и улыбался. Лиза посмотрела на мужчину, изображённого на заднем плане снимка.

Раньше она не обращала на него внимания.

Теперь пригляделась.

Высокий.

В светлой рубашке.

Тёмные брюки.

Знакомое лицо.

Тот самый посетитель.

Лиза увеличила изображение.

Ошибки быть не могло.

Она медленно опустилась на стул.

Вчера этот человек приходил смотреть Вегу.

И стоял рядом с Артёмом Волковым на награждении.

Лиза открыла переписку.

Набрала сообщение:

«Артём, можно вопрос?»

Подумала.

Стерла.

Написала снова:

«Сергей Николаевич Волков — твой отец?»

На этот раз отправила.

Сообщение доставилось почти сразу.

Лиза смотрела на экран.

Прошла минута.

Потом ещё одна.

Под именем Артёма появилась надпись:

«Печатает...»

Лиза перестала дышать.

Через несколько секунд пришёл ответ:

«Да. А что случилось?»

Она посмотрела в сторону конюшни.

Там, за стеной, Вега спокойно ела сено.

Лиза снова прочитала сообщение.

Теперь у неё было два вопроса.

И второй оказался гораздо страшнее первого.

Зачем отец Артёма приезжал смотреть её лошадь?

Глава 4. Урожай

Ростовская область. Май 1980 года.

Михаил Белов опоздал на свидание на сорок семь минут

и появился с лопатой.

Свиданием Надя это, разумеется, не называла. Она вообще не собиралась ни с кем встречаться. Просто Михаил в среду поинтересовался, пойдёт ли она в субботу в кино, а Надя ответила, что если он предлагает ей посмотреть фильм, то мог бы хотя бы назвать его название. Михаил назвал. Потом прибавил, что билет стоит сорок копеек и он готов понести невероятные финансовые потери.

— Билет я себе куплю сама, — сказала Надя.

— Значит, моя семья спасена от разорения.

Они договорились встретиться у кинотеатра в шесть. Но до шести была конюшня, а на конюшне договорённости с людьми всегда зависели от того, что решат лошади.

Надя ждала возле ворот, когда Михаил наконец появился со стороны тренировочной площадки. Лопата лежала у него на плече, сапоги были в глине, а на лбу темнела полоска пыли.

— Я уже посмотрела фильм, — сообщила она.

— Какой?

— Про то, как девушку сорок семь минут держали у кинотеатра, а потом она решила больше не разговаривать с молодыми людьми по фамилии Белов.

Михаил поставил лопату.

— Занимательный сюжет. Чем кончилось?

— Молодого человека убили лопатой.

Он посмотрел на свой инструмент.

— Тогда, может, я сначала объяснюсь?

— После смерти?

— Желательно до.

Надя сложила руки на груди, хотя ей очень хотелось улыбнуться.

— Рубин выбил доску у задних ворот. Мы с дядей Колей ставили новую. Потом Пётр Иванович попросил выровнять грунт у четвертого препятствия. Я попросил передать тебе, но посыльный куда-то исчез.

— Кто посыльный?

— Факел.

— Серый мерин?

— Он показался мне надёжным.

Она всё-таки рассмеялась.

— Не смешно. Я билет купила.

— Я тоже.

Михаил достал из кармана два помятых бумажных прямоугольника. Надя посмотрела на время сеанса, потом на часы у кассы. Начало давно прошло.

— Зачем два?

— Хотел подстраховаться. Вдруг ты передумаешь.

— Ты вообще когда-нибудь говоришь прямо?

— Бывает. Когда лошадь собирается укусить.

Далеко за улицей прошёл автобус. Надя успела увидеть в окне знакомую красную кепку кондуктора и подумала, что на нём могла уже ехать домой. Вместо этого она стояла ря-

дом с парнем, который почему-то умудрялся испортить вечер так, что уходить совсем не хотелось.

— Пойдём, — сказал Михаил. — Возле парка продают пирожки. Если не успели на искусство, можно хотя бы поужинать.

— Я не ем с людьми, которые опаздывают.

— А с людьми, которые умеют держать лопату?

Надя взяла у него один билет, свернула вчетверо и убрала в карман.

— Пять минут, — сказала она. — Потом домой.

— Договорились.

Договорённость продержалась почти час.

Днём, ещё до несостоявшегося кино, они работали на тренировочной площадке. Секция общества «Урожай» располагала хорошими лошадьми и весьма ограниченными средствами, чтобы объяснять им, насколько они хороши. Стойки чинили своими руками, землю равняли лопатами и граблями, жерди красили всем составом после занятий. Белая краска плохо ложилась на старую древесину. Зато очень хорошо — на рукава.

К обеду у Михаила рукав стал белым до локтя, у Нади на щеке появилась синяя полоска, а Пётр Иванович, обойдя площадку, сообщил:

— На следующей неделе комиссия приедет. Если увидят эти стойки, подумают, что у нас художественная самодея-

тельность.

— Мы стараемся, — сказала Надя.

— Это заметно. Особенно по количеству краски на тебе. Старшая группа смеялась. Надя попыталась стереть полосу ладонью и сделала её шире.

Михаил протянул тряпку.

— У тебя теперь лицо государственного флага очень неизвестной республики.

— Ты бы лучше на свои сапоги посмотрел.

— На сапоги я не собираюсь производить впечатление.

— А на кого собираешься?

Михаил не ответил сразу; потянулся поправить ремешок Рубина, хотя тот лежал как надо. Надя вдруг забыла приготовленную остроту.

Рядом застучали копыта. Рубина вывели к мойке; мерин ждал терпеливо и только недовольно оглядывался на кисти. Искра стояла в тени, время от времени отгоняя хвостом мух. Надя подошла проверить, достаточно ли туго завязана верёвка, и увидела, что один из мальчишек оставил ведро прямо на пути лошади.

— Уберите, — сказала она.

Мальчишка отмахнулся:

— Да она обойдёт.

— Может, обойдёт. А может, кто-то поведёт её отсюда, не глядя под ноги. Убери.

Он вздохнул, но ведро поднял.

Пётр Иванович, шедший мимо, ничего не сказал. Надя заметила лишь, как он коротко кивнул. Это почему-то доставило ей больше радости, чем похвала за чистый прыжок.

Надя давно поняла: тренер может простить плохую посадку, если человек готов учиться. Халатность возле лошади он не прощал.

После ремонта наступил черёд занятий. Кобыла в этот день шла уверенно; Надя почувствовала это уже на рыси и не стала требовать от неё преждевременного ускорения. Пётр Иванович выставил невысокие учебные препятствия, затем собрал связку посложнее. Рубин работал в соседнем конце поля.

Надя хотела оказаться лучше Михаила. Она очень хотела. В этом не было ни капли великодушия. Надоело слышать, как другие хвалят его мягкую руку и спокойную посадку. Надоело замечать его каждый раз, когда он входил в манеж. И особенно надоело то, что он иной раз смотрел на неё так, будто знает что-то, чего она сама ещё не знает.

— Наискосок, потом влево, — сказал тренер, показывая маршрут. — Следи за поворотом. Не кидайся к препятствию с середины поля: времени у тебя ровно столько, сколько даёт лошадь.

— Поняла.

— Проверим.

Она пустила Искру галопом. Первый барьер остался позади, второй тоже. На диагонали она успела увидеть впереди

стройные белые стойки, тёмную землю перед ними и ровную линию, по которой хотела подойти.

Поворот вышел лучше, чем в прошлый раз. Искра сохранила равновесие, и Надя неожиданно ощутила, что успевает подумать до того, как потребуется действие.

На последней связке она не поторопилась. Кобыла прошла чисто, приземлилась и сама нашла устойчивый ритм после прыжка.

— Хорошо! — крикнул Пётр Иванович.

Надя едва не оглянулась проверить, не кому-то ли другому адресована похвала.

Михаил хлопнул один раз, уверенно и коротко.

Ей хотелось сказать, чтобы не подлизывался. Вместо этого она улыбнулась ему прямо из седла.

Михаил выехал следующим.

Первые препятствия он прошёл уверенно, затем перед сложным поворотом Рубин чуть потянул в сторону привычного пути к выходу. Михаил вернул его на линию, но пришлось прибавить темп. Он не сбил ни одной жерди, однако последнюю связку прошёл менее ровно.

Пётр Иванович остановил его у выхода.

— Почему прибавил?

— Поздно перестроился.

— И что?

— Хотел успеть.

— Лошадь у тебя теперь должна успевать за твоими мыс-

лями? Тогда подбирай мысли помедленнее.

Михаил кивнул. Никаких оправданий.

Надя, разумеется, заметила ошибку. И тоже заметила, как быстро он признал её — то, чего ей самой не всегда хватало.

В раздевалке пахло мокрой одеждой, мылом и краской. У стены на гвозде висел чужой плащ, из кармана торчал сложенный номер «Советского спорта». Надя открыла свой шкафчик, вынула тетрадь с расписанием занятий и небольшую книгу в потёртом светлом переплёте.

Книгу ей подарила тётя, приезжавшая зимой с Кавказа. На титуле значилось: «Сказания о нартах». Издание 1978 года. Надя поначалу решила, что это будет ещё одна книга, которую взрослые считают полезной и потому заведомо скучной. Но в первый же вечер прочла больше половины.

Ей нравились не столько битвы, сколько странное устройство мира, где с конями разговаривали всерьёз, а умная женщина могла поставить богатырей на место одной фразой.

Она устроилась на деревянной скамье под навесом. Море от Ростовской области было далеко, но ветер порой приносил особенную сырость с полей. Сегодня пахло молодой пшеницей и нагретой пылью.

— Домашнее задание? — спросил Михаил.

Он остановился рядом, не сядя без приглашения.

— Книга.

— Я догадался. Ты её держишь правильной стороной.

— Не отвлекай. Здесь про Арфана.

— Это человек?

— Конь.

— Значит, уже лучше.

Она подняла на него глаза.

— Ты вообще знаешь, кто такие нарты?

— Богатыри. С Кавказа. Дед рассказывал. Но у него каждый второй знакомый был богатырём, если достаточно долго слушать.

Надя пододвинулась, освобождая место. Михаил сел рядом; между ними осталась ровно такая ширина скамьи, которой хватило бы на третьего человека, но третий почему-то не требовался.

— Здесь Урызмаг, его конь Арфан и другие истории, — сказала Надя. — В разных сказаниях кони умеют советовать всадникам. Иногда разумнее самих богатырей.

— У нас такого тоже хватает. Рубин сегодня весь поворот убеждал меня ехать нормально. Я не послушал.

— Вот именно.

Она перелистнула несколько страниц.

— А ещё есть Шатана. Умная женщина, к которой приходят за советом. Даже когда не хотят признавать, что нуждаются в нём.

— Как Пётр Иванович.

— Он не женщина.

— Не буду с тобой спорить. Тем более рядом нет доказа-

тельств.

Надя толкнула его локтем.

Михаил засмеялся и попросил дать книгу посмотреть. Он держал её осторожно, не заламывая переплёт, и сначала прочитал выходные сведения, а потом остановился на иллюстрации всадника.

— Ты серьёзно всё это читаешь?

— Нет. Ношу для того, чтобы производить впечатление образованной девушки.

— Удалось.

Она почувствовала, как лицо нагрелось. Михаил продолжал смотреть на рисунок, будто ничего особенного не произнёс.

— А как узнать, чего лошадь хочет, если она не разговаривает? — спросил он уже серьёзно.

Надя обдумала вопрос. Было соблазнительно сказать что-нибудь красивое про доверие. Но она вспомнила, как утром Искра не сразу дала заднюю ногу и как ей пришлось подождать, пока кобыла удобно переступит.

— Не всегда можно узнать, — сказала Надя. — Иногда только замечаешь, что что-то не так. Потом проверяешь. А иной раз ошибаешься.

— Значит, богатырям было проще. Спросил у коня — и всё.

— Только богатырь ещё должен был выслушать ответ.

Михаил закрыл книгу.

— Вот это уже труднее. Особенно мне.

Он протянул её обратно. Их пальцы на секунду соприкоснулись. Надя взяла том слишком резко и чуть не уронила.

— Ну, — сказала она, — зато честно.

Она хотела добавить что-то язвительное, но не нашлась. Это пугало больше любых предстоящих соревнований.

После работы Пётр Иванович позвал Надю к открытой двери конторы. На подоконнике лежали журналы учёта, расписание дежурств и старая книга с серой обложкой.

— Возьми почитать, — сказал он, заметив её взгляд.

— Что это?

— Сказания о нартах. Издание недавно вышло. Один товарищ передал. На конюшне тоже полезно иногда думать не только о препятствиях.

Надя взяла книгу. В ней пахло типографской бумагой и пылью от подоконника.

— А почему именно мне?

— Потому что ты вчера утверждала, будто Искра умнее половины спортсменов. Там встретишь людей, которых и лошади иногда поправляли.

Надя рассмеялась.

— Михаил тоже так считает.

— Белов много чего считает. Особенно когда забывает закончить работу. Дай ему почитать после себя. Может, узнает что-нибудь полезное.

Надя осторожно перелистнула страницы. Имена звучали непривычно. Она задержалась на словах об Арфане, коне Урызмага, и невольно подумала об Искре. Не потому, что видела в своей кобыле чудесное животное. Просто ей нравилась мысль, что у героя не всегда есть право считать себя самым умным в седле.

— Можно на несколько дней?

— Можно. Только не потеряй.

Она положила том в сумку. Уже вечером, споря с Михаилом о кино, совершенно забыла о нём. Зато потом, когда они вместе шли по аллее, книга стукалась о бок сквозь ткань сумки, напоминая о другой истории — в которой сила не всегда означала правоту.

Вечером у них всё-таки получились пирожки вместо кино. Михаил принёс два из маленького киоска у парка, где перед закрытием оставались только капустные. Он пытался убедить Надю, что капуста благороднее всех других начинок, потому что не притворяется мясом.

— Это ты сейчас про пирожки или про характер? — спросила Надя.

— Сложный вопрос. Давай считать, про пирожки.

Они шли по аллее. Над ними шелестели молодые листья, вдоль дорожки стояли облупленные скамейки. У входа в парк школьники спорили, кто понесёт магнитофон к реке. На стенде висела афиша майского концерта. Город готовился к лету, как готовятся к важной встрече: заранее и с неиз-

бежными накладками.

Надя доела пирожок и вытерла пальцы бумажной салфеткой.

— Ты ведь не случайно перевёлся к нам? — спросила она.

Михаил посмотрел на неё.

— Почему не случайно?

— У тебя хорошая подготовка. Мог остаться там, где занимался.

Он некоторое время молчал.

— У нас группу сократили. Несколько лошадей перевели, тренер уехал. Я мог вообще перестать заниматься. Пётр Иванович согласился взять меня на просмотр, потому что когда-то работал с моим наставником.

— То есть здесь ты тоже не навсегда?

— Не знаю. Если покажу результат — может, останусь. Если нет, пойду работать и буду ездить когда получится. Отец считает, что пора думать о настоящем деле.

— А спорт — ненастоящее?

— Для него — пока не приносит зарплату.

Надя прикусила губу. Её собственная поездка на областные соревнования и сегодня оставалась целью. Но рядом появился Михаил — и оказалось, что чужую удачу не так-то легко вынести.

— У тебя есть другой план? — спросила она.

— Есть. Поступить, учиться, продолжать выступать. Если возьмут дальше — пробоваться на сборы. А ты?

— Хотела поступить в институт. И чтобы Искра осталась со мной в работе. Она лучше многих лошадей, на которых я ездила.

— А если однажды придётся сменить лошадь?

Вопрос был простой. Надя почему-то услышала в нём угрозу.

— Не придётся.

Михаил не стал спорить.

Она добавила, уже тише:

— Я понимаю, что не могу решить всё за клуб. Но сейчас у нас получается. И мне кажется, если достаточно работать, то...

— То всё сложится само?

— Да.

Михаил пнул носком сапога камешек, и тот покатился к бордюру.

— Я бы тоже хотел в это верить.

Надя взглянула на него с удивлением. Самоуверенный парень у конюшенной калитки куда-то исчез. Рядом шёл восемнадцатилетний человек, который не знал, получится ли у него сохранить то, без чего он не представлял своего будущего.

— Когда ты приезжал, я думала, ты просто хочешь всех победить, — призналась она.

— А теперь?

— Теперь думаю, что ты хочешь всех победить по очень

уважительной причине.

— В том числе тебя.

— Особенно меня?

— Ты же сама требовала честности.

Надя остановилась, чтобы рассмотреть его лицо. Он улыбался, но взгляд был серьёзен.

— И я тебя, — сказала она.

— Разумеется.

— Не из жалости.

— Вот теперь обидно.

Она рассмеялась. Михаил протянул руку, чтобы помочь ей переступить через широкую трещину в дорожке. Надя могла прекрасно справиться сама. И всё-таки взяла его ладонь.

Он отпустил не сразу. Или ей показалось, что не сразу.

У автобусной остановки было несколько человек. Старушка с сеткой, мужчина с газетой, школьница с букетом тюльпанов. Мимо проехал «Икарус», но это был не их маршрут.

— Мы всё-таки пропустили кино, — сказала Надя.

— Я уже оплатил два билета. Можно считать, что поддержал отечественную культуру.

— Благодарно.

— В следующий раз приду вовремя.

Надя посмотрела на него.

Он тоже замер, поняв, что только что сказал «в следую-

щий раз».

— А кто сказал, что будет следующий? — спросила она.

— Никто. Я рассчитывал на благоприятные обстоятельства.

— Обстоятельства пока думают.

— Пусть не затягивают. Кинотеатр может закрыться раньше.

Автобус подошёл со скрипом тормозов. Надя ступила на подножку и обернулась:

— Белов! В следующий раз сначала заканчивай работу с Рубином. Потом покупай билеты.

— Принял к исполнению.

Автобус дёрнулся от остановки. Надя успела увидеть, как Михаил перенёс лопату на другое плечо и поднял руку. Весь вечер она сердилась на его опоздание; теперь хотелось, чтобы автобус ехал медленнее.

В понедельник Пётр Иванович собрал старших спортсменов возле доски объявлений. На ней висел лист с фамилиями, тренировочными часами и пометкой красным карандашом: «Контрольная проверка — суббота».

— Сроки уточнили, — сообщил тренер. — Областной отбор через две недели. Основную пару определим в ближайшую субботу. Кто думал, что у него ещё целый месяц для чудес, может заняться чудесами на кухне. Здесь работаем по расписанию.

Надя встала ближе.

— Искра готова? — спросил тренер.

— Готова. Вчера отдыхала, сегодня нормально ела. Ноги проверила.

— Не спрашиваю про настроение. Говорю про работу.

— На прошлой тренировке прошли всё чисто.

— Видел. Одной тренировки недостаточно. Проверим несколько подходов, состояние после нагрузки. Если что-то смутит — никакой поездки. Понятно?

— Понятно.

Михаил стоял рядом с Рубином. Мерин жевал и выглядел человеком, которого нельзя заставить участвовать в чужой драме без соответствующего количества сена.

— Белов, с поворотом разобрался? — спросил тренер.

— На словах.

— Тогда иди доказывать на деле.

Задания начались с простой работы: переходы, ровные линии, контроль темпа. Надя следила за Искрой, стараясь не искать глазами Михаила. Ничего не получалось. Как только он появлялся в поле зрения, ей хотелось показать лучшее движение из всех, на которые была способна кобыла.

Когда очередь дошла до прыжков, Михаил первым прошёл знакомую связку. На повороте он чуть рано сократил Рубина, но успел сохранить равновесие. Жерди остались на месте.

— Всё ещё торопишься, — сказал Пётр Иванович.

— Да.

— Зато сегодня не врѣшь себе, что вышло идеально. Уже достижение.

Надя ехала следующей. Ей хотелось повторить прежний результат и сделать ещё быстрее. Однако Искра перед подходом немного напряглась: от соседних ворот донёлся громкий удар железа. Надя почувствовала, как кобыла отвела ухо в ту сторону и сократила темп.

Она сделала большой круг, спокойно восстановила движение и только после этого вышла на линию.

— Правильно, — негромко сказал тренер.

Надя не услышала, зато увидела кивок Михаила у ограждения.

После тренировки он догнал её у стойки с седельными подкладками.

— Надь, можно вечером попробовать вместе пройти пешком схему? Там у второго поворота есть место, где я всё время ошибаюсь.

— Хочешь узнать мой секрет?

— Хотел бы. Но, боюсь, он в том, что ты слушаешь Петра Ивановича.

— Очень скучный секрет.

— Зато надёжный.

Она протёрла пряжку и положила ремень на полку.

— Хорошо. После ухода за лошадьми.

— Только не говори, что я теперь твой ученик.

— Поздно. Уже расскажу всем.

К вечеру небо затянуло. Они вышли на пустую площадку с листком схемы и мелом. Надя отмечала на земле воображаемые линии, Михаил пытался доказать, что при другом повороте можно выиграть половину секунды.

— А на этом повороте ты потеряешь Рубина, — сказала она.

— Не потеряю.

— Он же сегодня ушёл на внешний плечом. Тебе надо раньше подготовить его к дуге, а не пытаться вернуть уже перед барьером.

— То есть ехать шире?

— Немного. И ровнее.

Михаил несколько раз прошёл расстояние шагами, остановился, повернулся к ней.

— Знаешь, а ведь ты права.

— Ужасно неприятно, наверное?

— Невыносимо. Особенно когда об этом узнают люди.

Он взял мел и начертил новую дугу.

Надя смотрела, как он работает. В его сосредоточенности было что-то, чего не замечаешь во время шуток. Он не только хотел победить — он хотел понять. Признав ошибку, не становился меньше. Напротив, делался взрослее.

— Послушай, — сказала она, — если ты это исправишь, можешь оказаться впереди меня.

— Могу.

— Тогда почему спрашиваешь?

Он удивился:

— А ты бы не помогла?

Надя вспомнила, что ещё неделю назад не ответила бы так уверенно.

— Помогла бы, — сказала она.

— Вот и я.

У дальних ворот гроыхнула железная створка. Михаил пошёл её прикрыть, а Надя осталась посреди площадки со схемой в руках. Ветер поднял край листка и потащил его к мокрому песку. Надя прижала бумагу ладонью. Она думала, что знает о Михаиле уже достаточно, чтобы не удивляться. И каждый день он умудрялся показать что-нибудь новое.

Михаил вернулся, проверив засов.

— Всё, теперь ворота не распахнутся, — сказал он. — Пойдём?

— Пойдём, — ответила Надя. — Пётр Иванович сейчас закроет всю конюшню.

Они взяли схему, проверили замки и вышли на дорогу. Между ними больше не было обидной неловкости, которая мешала разговаривать накануне.

Михаил первым нарушил молчание:

— Если я выиграю субботнюю проверку, ты всё равно пойдёшь со мной в кино?

Надя хотела отшутиться. Получилось иначе:

— А если выиграю я?

— Тогда тем более. Надо же как-то отметить твоё превосходство.

Он сказал это легко. Но Надя знала, какую цену для него имела возможность поехать на областной отбор. Теперь каждое его предложение делалось сложнее: он помогал ей стать сильнее, рискуя лишиться собственного места.

— Михаил, — начала она.

Он остановился.

— Что?

— Ты ведь не станешь уступать мне на проверке?

Он даже рассердился.

— Ты что, с ума сошла?

Надя улыбнулась.

— Хотела убедиться.

— Я тебя очень уважаю, Надежда. Поэтому и собираюсь обойти честно.

Она приготовилась ответить колкостью, но Михаил сказал «уважаю» без малейшей улыбки. Надя промолчала.

С дороги потянуло дождём. В клубе погасили свет в конторе. Только в крайнем окне конюшни горела лампа над дежурным столом.

— Значит, в субботу, — сказала Надя.

— В субботу.

Он протянул руку, как в день их знакомства. Она тоже протянула — и только теперь заметила на его ладони бе-

люю полоску краски, оставшуюся после ремонта жердей. Надя провела по ней большим пальцем.

Михаил не шевельнулся.

— У тебя краска, — сказала она.

— Знаю.

— Можешь отмыть.

— Сейчас?

Надя отпустила руку.

— Нет. Завтра.

Они засмеялись, и смех немного спас их от того, чего оба пока не умели назвать.

За ночь обещали дождь. Пётр Иванович мог отменить прыжки, передвинуть контрольную проверку, изменить маршрут. Но одно уже было решено: через несколько дней один из них получит желанную поездку, другой останется ждать следующего шанса.

На остановке Надя долго искала в кармане проездной билет. Вместе с ним выпал сложенный вчетверо билет в кино — тот самый, на которое они так и не попали.

Михаил поднял его и подал ей.

— Выбросишь?

Она развернула помятый бумажный прямоугольник.

— Пока оставляю.

— Зачем?

— Напоминание, что на тебя нельзя полагаться в вопросах расписания.

Автобус показался за поворотом. Михаил отошёл, освобождая проход.

— И когда следующий сеанс? — спросил он.

Надя спрятала билет в книгу о нартах, которую несла под мышкой.

— После субботы.

— Ты сказала, что будешь со мной, даже если я проиграю?

Она посмотрела на него из дверей автобуса.

— Я сказала «после субботы». Не делай вид, что не слышал.

Двери закрылись.

Надя села у окна, держа книгу на коленях. За стеклом Михаил становился всё меньше. Он не махал вслед, пока не убедился, что она смотрит.

Надя прижала к переплёту пальцы.

Она уже знала, чего просить у судьбы перед субботой. Только просьбы получались несовместимыми: чтобы выбрали её и чтобы Михаил не ушёл с площадки проигравшим.

Глава 5. Первое падение

В понедельник утром Лиза узнала две неприятные вещи. Первая: Вегу действительно собирались продать. Вторая: спросить у симпатичного парня, не собирается ли его отец купить твою лошадь, куда сложнее, чем прыгнуть метровый барьер.

На экране телефона светилося Артёмово «Да. А что случилось?». Она написала, что Сергей Николаевич приезжал

смотреть Вегу. Ответ последовал почти немедленно: «Серьёзно?»

«Нет, Волков. Я решила начать утро с необычной шутки».

«Подожди. Он смотрел Вегу в вашем клубе?»

«Да».

«Мне не говорил».

Лиза перечитала его ответ. Три коротких слова — «Мне не говорил» — ничего не решали. Вчера она поверила ему на маршруте; сегодня решила не гадать по сообщениям и поговорить с Ириной.

«Могу спросить, зачем», — написал Артём.

Лиза набрала «Не надо», стёрла и ответила, что сама поговорит с Ириной Викторовной. На этом разговор закончился, и Лиза испытала досаду: почему он не написал ещё чего-нибудь? Потом вспомнила, что закончила разговор сама, и рассердилась на себя ещё сильнее.

Ирина появилась к десяти. Лиза стояла возле конторы так долго, что Ольга дважды попросила её перестать переставлять ведро.

— Оно мешает, — сказала Лиза.

— Кому?

Лиза оглядела свободный проход.

— Никому.

— Вот и оставь его в покое.

Когда Ирина вошла, Лиза спросила прямо:

— Вы собираетесь продавать Вегу?

Ирина пригласила её в кабинет. Там на столе лежала смета ремонта манежа и несколько договоров.

— Мы обсуждаем возможность продажи, — ответила она.
— Никакого решения пока нет. Осмотр и разговор о цене ещё не означают сделку.

— А его интересует Вега?

— Да. И не только она. Сергей Николаевич собирает спортивную группу для нового центра.

— Он заберёт её сразу?

— Пока такого предложения нет. Но я не могу обещать, что Вега останется здесь навсегда.

Лиза опустила глаза. Ей хотелось закричать, что это её лошадь. Только она знала, что это неправда. По документам Вега принадлежала клубу. И клуб должен был оплачивать корма, содержание лошадей, зарплаты и крышу, которую требовалось ремонтировать.

— А если выиграю Кубок?

— Это будет замечательно. Но победа не изменит права собственности. Давай заниматься тем, на что ты действительно можешь повлиять.

Лиза вышла, стараясь не хлопнуть дверью. Получилось. Первая победа дня.

На улице Ирина догнала Лизу уже у поворота к мойке.

— И ещё одно, — сказала она. — Я не хочу, чтобы ты узнала от чужих людей, будто твоё место здесь уже кому-то обещано.

— Но оно ведь не моё место.

— На тренировках — твоё. Пока мы договорились о работе на Веге, этот порядок действует. Никто не имеет права явиться завтра с коневозом и приказать вам освободить денник. Даже если на нём дорогие ботинки.

Ирина пыталась её успокоить. Лиза всё равно слышала прежде всего оговорки.

— А вы почему раньше не сказали?

Ирина посмотрела через двор на манеж. У дальних ворот рабочие крепили табличку о ремонте. Один держал лестницу, второй, стоя наверху, безуспешно пытался попасть отвёрткой в винт.

— Потому что сначала я надеялась найти деньги другим способом. И ещё потому, что сама не знала, насколько серьёзны намерения покупателей. Мне не нравится пугать детей незавершёнными переговорами.

— Я не ребёнок.

— Знаю. Поэтому сейчас говорю с тобой прямо.

Лиза машинально потёрла пальцы. Под ногтём осталась тёмная полоска от чистки седла.

— А если мне предложат ездить на другой лошади?

— Тогда будем решать, подходит ли тебе эта лошадь, кто за неё отвечает и чего вы можете добиться. Но не сегодня. Сегодня у тебя по расписанию школа.

Вокруг продолжали жить по расписанию, хотя её собственная жизнь едва удерживалась на привычном месте.

— Спасибо, что сказали, — произнесла Лиза.

Ирина кивнула.

— Только ещё прошу: не превращай Вегу в средство выигрывать переговоры. Ей всё равно, кто владеет стенами конюшни. Ей важно, как с ней обращаются.

Лиза хотела ответить привычное «знаю», но прикусила язык.

У школьных ворот она обнаружила, что забыла дома сменную обувь. Это было почти оскорбительно: судьба Веги решалась где-то между коммерческими предложениями, а ей предстояло объяснять завучу отсутствие сменки. Жизнь отличалась удивительной неспособностью расставлять приоритеты.

В школе она отвечала на уроке биологии о приобретённом поведении животных и слишком увлеклась рассказом, как Вега научилась искать морковь в карманах. Соня уточнила, что сама Лиза приучила кобылу получать угощение. Учитель предложил подумать, кого же из двоих в действительности обучали. Класс засмеялся.

До полудня Лиза успела придумать семь объяснений Артёмову молчанию. Самое неприятное было последним: он просто занимался своими делами, пока она считала минуты между сообщениями.

На перемене возле школьной доски объявлений толпились выпускники. Кто-то спорил о баллах, кто-то фотографировал расписание, а староста пыталась добиться, чтобы

два человека вернули учебники в библиотеку. Школьные дела выглядели неправдоподобно простыми. Расписание можно переписать, учебник вернуть, плохую оценку исправить. С лошадью, которую собираются продать, не получалось ничего из этого.

— Ты сегодня как кот, которого случайно закрыли в лифте, — сказала Соня, догнав её.

— Спасибо.

— Пожалуйста. Сначала я хотела сказать «как школьница, которая не спала», но это было бы слишком очевидно.

Лиза потянулась к телефону. Экран погас прежде, чем она успела взглянуть на него.

— У нас через неделю пробник, — напомнила Соня. — И ты обещала мне показать, как решать третье задание.

— Покажу.

— Когда?

— Сегодня вечером.

— А сегодня вечером у тебя тренировка.

— Тогда завтра.

— Завтра у тебя подготовка к контрольному старту.

Лиза посмотрела на подругу. Соня держала телефон в кармане и впервые не выглядела готовой немедленно снимать её разоблачение.

— Ты хочешь что-то сказать?

— Я хочу, чтобы ты не исчезла целиком внутри своей беды. Я рядом. Но мне иногда нужна подруга, которая помнит

и про меня.

Лиза открыла рот. Соня не повышала голоса и не обвиняла. Поэтому отвечать привычным «ты не понимаешь» оказалось невозможно.

— Прости, — сказала она. — Ты права. Давай после школы час позанимаемся вместе. До конюшни успею.

— Восемьдесят минут.

— Соня!

— Ладно, семьдесят. Но это моя последняя уступка.

Они прошли к кабинету математики. Лиза заметила у подруги под мышкой папку с прозрачными файлами. На обложке была аккуратная надпись «Портфолио».

— Что это?

Соня притянула папку к себе.

— Черновики.

— Для чего?

— Для будущего. Очень неопределённого и страшно требовательного к орфографии.

— Покажешь?

— Когда перестану стесняться.

Лиза хотела рассмеяться: Соня и стеснение в её представлении никогда не встречались. Но подруга уже открыла дверь класса. В её собственном мире тоже происходило что-то важное. Просто Лиза до сих пор не удосужилась посмотреть в ту сторону.

На перемене Соня усадила подругу на подоконник, разде-

лила с ней шоколад и выслушала рассказ об Ирине.

— Волков знает?

— Артём? Говорит, что нет.

— Веришь?

— Не знаю.

— Хороший ответ. Обычно ты решаешь за всех заранее.

— Ты сегодня особенно неприятная.

— Я давно готовилась.

Потом Соня спросила, нравится ли ей Артём. Лиза сказала, что он хорошо ездит. Соня вздохнула: романтическая литература только что понесла невосполнимую утрату.

К субботе тревога никуда не исчезла, но жизнь требовала привычных действий. Лиза занималась в школе, тренировалась, рассматривала видеозаписи, переписывалась с Артёмом. Он прислал фотографию сонного Марса, вытянувшего нижнюю губу: «Наш полководец готовится к контрольному старту». Лиза ответила фотографией Веги, вытаскивающей из кармана платок: «Наша дипломатическая служба готовит санкции».

В «Лесном берегу» устроили небольшой контрольный старт с участием соседних клубов. Вера Андреевна проверяла постановку препятствий. Соня шутила, что люди тратят состояние, чтобы выиграть бумажку с подписью. Лиза осматривала маршрут: в нём была связка, похожая на ту, где она прежде ошиблась. Она хотела не только пройти чисто, но и опередить Артёма. Вторую часть своего желания скрывала

даже от тренера.

Артём появился с Марсом. Конь потянулся к кусту сирени.

— У тебя конь сейчас съест ландшафтный дизайн, — предупредила Лиза.

— Марс, мы обсуждали: декоративные растения не входят в рацион.

— Он так и не научился слушать?

— У него независимые эстетические взгляды.

Они заговорили об отце Артёма. Тот признал, что спросил Сергея о визите в клуб и услышал лишь общие слова о проекте нового центра. Лиза сказала, что не знает, верить ли ему. Артём не обиделся: он не мог рассказать того, чего сам не знал. В тот момент это ещё было правдой.

Перед стартом Лиза проверила Веге ноги и снаряжение. Вера Андреевна сформулировала задачу: ровный темп, подходящая линия, никаких поспешных исправлений перед барьером.

— Не пытайся доказать кому-нибудь, что умеешь ездить, — предупредила она.

— Не буду.

— Даже Волкову?

Лиза помолчала.

— Немного.

— Тогда оставь доказательства за воротами манежа. Возьми с собой только то, чему научилась.

Полина и Север прошли чисто. Артём на Марсе тоже. Лиза заметила, как хорошо он подготовил поворот и не стал рисковать ради нескольких секунд. Теперь её очередь.

Перед тем как назвать её стартовый номер, диктор попросил освободить вход на площадку. Лиза сидела в седле и смотрела не на препятствия, а на собственные пальцы. Они лежали на поводке правильно, но были холодными, несмотря на тёплый день.

Сначала на разминке Вега подошла к невысокому барьеру уверенно. Лиза почти не заметила прыжка. Вторая попытка оказалась хуже: девушка поторопилась, а кобыла после приземления сильнее опустила шею, возвращая себе удобный баланс.

— Один раз достаточно, — сказала Вера Андреевна. — У тебя не должно быть ощущения, что чем больше прыгнешь до старта, тем меньше останется ошибиться на маршруте.

— Я просто хотела проверить.

— Проверила. Теперь дай ей отдохнуть шагом.

Лиза послушалась. Возле выхода стояла Полина с Севером. Она поправляла ремешок каски и делала вид, что не замечает чужого волнения.

— Красиво пошла на первом, — сказала Полина.

— Спасибо.

— Здесь грунт немного глубже возле внутреннего угла. Я на разминке туда не ехала.

Лиза взглянула на неё. Соперница могла бы промолчать.

Никакие правила не обязывали её делиться подобными наблюдениями.

— Ты всегда предупреждаешь конкурентов?

— Когда речь о грунте — да. Время выигрывают на маршруте, не на чужой ошибке в разминке.

Полина подтянула перчатку и уехала. Лиза проводила её взглядом. Полина сказала это без расчёта на благодарность.

За ограждением Артём поднял руку. Он не стал показывать, где сокращать поворот, и не изобразил победный жест. Просто пожелал удачи.

Лиза ответила тем же. Ей остро захотелось обойти его по времени. Чужая поддержка делала победу ещё заманчивее.

Вера Андреевна уловила перемену в её лице.

— Сейчас у тебя одна работа, — сказала она. — Не победить Волкова. Сделать понятный подход к каждому барьеру.

— Я помню.

Лиза на секунду сжала повод сильнее обычного. Вега едва заметно подняла голову. Девушка тут же ослабила пальцы, и кобыла снова потянулась к трензелю, словно договор был восстановлен. Такие маленькие вещи не попадали в протокол: никто не начислял за них штрафных очков, никто не вручал розеток. Но сейчас Лиза улавливала их с болезненной ясностью.

На соседней части разминки кто-то громко похвалил чужую пару. Лиза повернула голову и увидела, как Артём спокойно выехал из угла, сохранив движение. Его Марс шёл

ровно, будто заранее знал, сколько темпов потребуется. Она ощутила не злость, а знакомый горячий укол: тоже хочу так. И сразу следом — куда более опасное: хочу лучше него.

— Соколова, — окликнула Вера Андреевна, не повышая голоса. — Покажи мне два спокойных перехода и заканчивай. Если начнёшь соревноваться здесь, на настоящий маршрут сил не останется.

Лиза хотела возразить, что вовсе не соревнуется. Но в этот момент Вега попросила не команду, а ясность: задержала переход, ожидая следующего противоречивого сигнала. Лиза выдохнула, перестала смотреть на Марса, подготовила просьбу корпусом и только потом коснулась поводом. Кобыла ответила сразу.

Она услышала, как тренер тихо сказала «вот». Больше никакой похвалы не потребовалось. До выхода на старт оставалось совсем немного времени; его было достаточно, чтобы всё испортить. И достаточно, чтобы просто не мешать лошади.

— Тогда не забудь об этом через сорок секунд, когда увидишь табло.

Лиза кивнула. Предстоящий поворот ждал её собственных решений.

Первые барьеры получились легко. Вега шла хорошим галопом, Лиза спокойно сидела и чувствовала, как кобыла отзывается на управление. Четвёртое препятствие осталось позади. Впереди стоял оксер. При осмотре они договорились с

тренером выбрать широкую дугу, но Лиза увидела, как можно срезать.

Артём ехал шире. И всё равно оказался быстрым. Если Лиза сократит, она выиграет время.

Решение заняло мгновение. Она повернула раньше. Вега послушно пошла по более тесной линии, но потеряла часть поступательного движения. Лиза послала вперёд. Расстояние до препятствия стало неудобным. Вместо того чтобы сохранить равновесие и позволить кобыле оценить подход, Лиза выдвинула корпус и почти одновременно сдержала повод.

Вега резко остановилась перед оксером.

Лиза продолжила движение вперёд. Стремена потерялись. Она увидела шею Веги, белую звёздочку и песок. Удар пришёлся на бок, плечо и бедро. Воздух вышибло из груди. Несколько мгновений она не могла вдохнуть.

— Лиза! Не вставай! — голос Веры Андреевны прозвучал рядом.

Лиза открыла глаза. Над ней было голубое небо, совершенно равнодушное к случившемуся.

Первая мысль: только бы никто не снял. Вторая: Вега.

— Где она?

— С ней работают. Ты пока лежи.

Лизу осмотрели, проверили ориентировку и самочувствие. Ей не позволили сразу вскочить и объявить, что всё прекрасно. Плечо болело, бедро саднило, а гордость не поддавалась никакой медицинской процедуре. После первичной

помощи взрослые решили, что нужен медицинский осмотр и наблюдение за возможными отсроченными симптомами.

Ольга подвела Вегу. Кобыла не упала, явных травм при первоначальной проверке не обнаружили, но работу на этот день отменили. Лиза коснулась тёплой шеи, едва сдерживая слёзы.

— Я всё испортила.

— Потом разберём, — сказала тренер. — Сначала обе должны быть в безопасности.

Песок пришлось вытряхивать из волос ещё в медицинском кабинете. Он оказался в рукавах, под воротником и даже за ухом. Лиза сидела на стуле, пока ей объясняли, за какими симптомами нужно следить после падения, и боролась с желанием задать один-единственный вопрос: когда ей разрешат снова прыгать. Этот вопрос ей пока запретили даже задавать.

Вера Андреевна вошла без каски, которую обычно снимала лишь в самых спокойных обстоятельствах. Положила на стол смятую стартовую карточку.

— Время я тебе потом запишу. Сейчас слушай врача.

— Я слушаю.

— И не надо смотреть на меня так, будто я лично установила этот оксер тебе поперёк жизни.

Лиза отвернулась. Ей действительно хотелось обвинить кого угодно — тренера, грунт, яркий цвет стоек. Себя было последним вариантом.

— Она остановилась, — сказала Лиза.

— Остановилась.

— Но ведь могла прыгнуть?

Вера Андреевна присела напротив.

— Мы не станем сейчас обсуждать, что Вега «должна была» сделать. Ты привела её после срезанного поворота, изменила темп и одновременно потянула повод. Следующий разговор будет про твои действия. Когда ты придёшь в себя.

— Вы злитесь?

— Я испугалась за вас обоих. Это другое.

Лиза посмотрела на неё. У Веры Андреевны дрожали пальцы, когда она завязывала шнурок на пакете с документами. Раньше Лиза ни разу этого не замечала.

— Вы думали, что я сильно ударилась?

— Я не собиралась гадать. На это есть люди, которые осматривают после падения. И я хочу, чтобы ты научилась так же: сначала факты, потом версии.

Лиза кивнула. Тренер выпрямила угол стартовой карточки и оставила её на столе.

— Если в следующий раз испугаешься на подходе, это не делает тебя трусихой. Сообщи, остановимся, вернёмся к простой работе. Но ни одного прыжка ради доказательства, что ты смелая, я не разрешу.

Ей хотелось ответить «нет», но песок, ещё недавно забившийся за воротник, снова будто царапнул кожу. — Немного, — призналась она.

— Хорошо.

Вера Андреевна поднялась.

— Вот теперь можно и чай. Соня там уже угрожает организаторам, что напишет репортаж о бесчеловечном отсутствии кипятка.

— Она так и сказала?

— Почти. На самом деле попросила чай очень вежливо. Мне кажется, это у неё тревожный симптом.

Лиза засмеялась и тут же поморщилась: плечо отозвалось на движение. Тренер заметила, но не сделала из этого событие. Она просто придержала дверь, чтобы Лизе было легче выйти.

В коридоре ждала Соня. Она держала два стакана и явно собиралась произнести большую речь. Увидела Лизу, передумала и протянула тот, что был не таким горячим. От этой маленькой заботы стало стыднее всех пропущенных жердей.

Соня принесла чай и булочки. Лиза раздражённо попросила её не шутить, тут же пожалела и извинилась. Соня рассказала, что бросила снимать, когда подруга упала, и никому не отправляла запись. Видео можно было посмотреть или удалить — как решит Лиза.

Мать приехала быстро, расспросила о боли и отвезла дочь на медицинскую оценку. Серьёзных повреждений не выявили, но рекомендовали восстановление, осторожность и возвращение к нагрузкам после разрешения. Мама не требовала бросить спорт. Она попросила лишь не изображать желез-

ную женщину и не торопиться садиться верхом.

Вечером Ольга прислала фотографию спокойно ужинающей Веги, Полина предложила запись прыжков с другого ракурса, Соня сообщила о судьбе оставшейся булочки. От Артёма не было ни слова. Лиза обиделась, пока Соня не объяснила: после падения он помогал Ольге с Вегой и спрашивал, когда Лизе можно написать. Соня предложила его пока не тревожить.

На следующий день Лиза ненадолго приехала проведать Вегу. Плечо всё ещё ныло; о седле речи не было. Кобыла встретила её поисками моркови, а Артём появился в дверях с чаем.

— Как ты?

— Официально нормально. Неофициально ненавижу весь мир.

— Понимаю.

— И это всё?

— Хочешь лекцию о том, что такое бывает?

— Нет.

— Отлично. Я тоже не хочу её читать.

Они сели на скамейку возле манежа. Артём рассказал, как сам когда-то вылетел из седла в лужу возле навозного штабеля. Его отец тогда сказал: «Вставай. Все смотрят». С тех пор юный Артём долго боялся не падения, а чужих взглядов. Лиза смеялась над историей о луже, пока не услышала эту деталь.

У манежа после ночного дождя темнел песок. Лиза невольно остановилась там, откуда накануне увидела оксер слишком поздно. Препятствие уже убрали; открылась обычная дорожка к конюшне.

Артём не стал предлагать ей садиться. Просто остановился рядом, держа чай.

— Когда я упал в ту лужу, — сказал он, — потом недели две боялся одного определённого звука.

— Какого?

— Как железная решётка скребёт по цементу. У нас рядом с площадкой такую волочили. Она скрипнула как раз перед моим падением. На самом деле конь остановился совсем по другой причине. Но звук я запомнил.

— И что сделал?

— Сначала злился на всех, кто двигал железные решётки. Потом тренер показал мне видео и спросил, собираюсь ли я всю жизнь обвинять железо.

Лиза подумала о скамейке, о песке, о собственном первом желании уничтожить запись Сони.

— Мне кажется, я вчера хотела обвинить оксер. Как будто он стоял там специально для меня.

— У него вообще тяжёлая работа, — сказал Артём. — Все на него едут, никто не благодарит.

Она улыбнулась.

— А твой отец тогда правда сказал «вставай, все смотрят»?

— Правда.

— Наверное, неприятно.

— Очень. Хотя ему в тот момент, думаю, было страшно.

Он просто не умеет говорить «я испугался».

Артём защищал отца осторожно, с оговорками. Лиза слышала, что ему самому не всё нравится в отцовских планах, и от этого злиться на него стало неудобнее.

— Ты на него похож?

— Боюсь, да.

— Чем?

Артём подумал.

— Иногда, если не знаю, что сказать, делаю вид, будто у меня есть план. И тогда окружающим кажется, что я очень разумный.

— А план?

— Часто отсутствует. Но выглядит солидно.

Лиза засмеялась. Он посмотрел на неё и добавил уже тише:

— Мне тоже бывает страшно, Лиз. Особенно когда я не могу ничего исправить.

Она хотела спросить, что именно он не может исправить. Вместо этого показала на телефон, лежавший на коленях.

— Давай смотреть. Пока я не передумала.

На экране появилась Вега. Прямой подход. Лиза в седле. До поворота ещё оставалось время, и ничего плохого не происходило. Артём подвинулся, но не коснулся её руки. Так

они и начали разбирать кадры: один за другим, без зрителей и без попытки найти виновного быстрее, чем причину.

Они вместе посмотрели Сонину запись. Лиза увидела слишком короткий поворот, потерю темпа, своё раннее движение корпусом и противоречивую работу поводом. Артём не ставил диагнозов Веге и не изображал непогрешимого тренера. Они договорились показать запись Вере Андреевне и не проверять правоту немедленным повторением прыжка.

— Я испугалась, что повредила ей, — призналась Лиза.

— Я бы на твоём месте тоже первым делом спросил, где моя лошадь.

Он предложил совместную тренировку, когда врач и тренер разрешат Лизе возвращаться в седло. Она согласилась при двух условиях: никаких поблажек и никаких снисходительных замечаний.

— И я всё равно собираюсь тебя победить, — добавила она.

— Тогда у меня условие: если победишь, не делай вид, что я ничего не умею.

Вечером Артём прислал старое видео своего падения. Мальчишка в грязной луже кричал оператору: «Тогда хотя бы не снимайте!» Лиза долго смеялась, придерживая больное плечо. Потом написала: «Теперь мы квиты».

«Почти. Ты ещё не видела, как я ошибаюсь на тренировке».

Она улыбнулась, посмотрела на фотографию Веги и поду-

мала, как сильно хочет снова встретиться с Артёмом. Даже если он опять начнёт давать непрошенные советы. Особенно если начнёт.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.